

Ядерная осень

Автор:

Вячеслав Хватов

Ядерная осень

Вячеслав Вячеславович Хватов

3 сентября 2026 года в Москве на академика Скворцова, который занимался сверхсекретными научными разработками, совершено неудачное покушение. Сотрудники ФСБ берут его под охрану, но их планы сорваны неожиданным образом. Столица нашей Родины подверглась ядерной атаке! В обезумевшем, охваченном огнем и паникой городе, казалось бы, никому нет дела до засекреченного академика, но это не совсем так. Майор ГРУ Волохов получает задание: во что бы то ни стало найти в радиоактивных руинах Москвы Скворцова и доставить его на Урал, где создан последний оплот российской государственности. На пути Волохова становятся многочисленные банды мародеров и сектантов-людоедов. И лишь благодаря помощи немногих, сохранивших человеческий облик людей майору удается напасть на след исчезнувшего академика. Выясняется, что по этому же следу идет некто Сокол... А в это время в Кольский залив Баренцева моря входит американский атомный авианосец «Моника Кондолизски», готовясь нанести России смертельный удар.

Вячеслав Хватов

Ядерная осень

Смотри, как август падает с яблонь.

Это жатва, это сентябрь.

Омытый дождем берег птицами отпет.

Из вереницы траурных дат этот день,

Только этот день плачет...

Смотри, как ветры Собирают в стаи самых усталых,

Как поднимают и кружат над распятым листьям,

Смотри, как лес полыхает и медленно гаснет.

Это сентябрь.

Осеннее солнце – гибель – сюрреалист.

Осеннее солнце – жатва.

Осеннее солнце листьями падает вниз.

Весна будет когда-нибудь завтра.

Смотри, как кровью дурманит болота кикимора-клюква,

Как ведьмы-вороны тревожат День Вознесенья.

Смотри, как в саван туман наряжает озера,

Как стелет звезды по самой воде поднебесье.

Смотри, как ветви и тени деревьев ложатся на травы.

Как кружит души над куполами стон Благовеста,

Как поминают вином и хлебом, как провожают Лето.

К. Кинчев

Глава 1 Сентябрь

3.09.2026 г. Москва. Ул. Большая Якиманка, д. 24. «Президент-Отель»

Ключ никак не хотел поворачиваться. Пальцы устали, папка с бумагами так и норовила выскользнуть и последовать за зонтом, который уже валялся на полу.

Уф! Не сломать бы «казенное» имущество. Еще попытка. Да уж! И это «Люкс» в знаменитом «Президент-Отеле»...

– Владимир Евгеньевич, – по коридору к нему спешил Дима – внештатный корреспондент журнала «Наука и жизнь». – Владимир Евгеньевич, я уж как всегда, не обессудьте. Пару минут, не больше.

Прессу Скворцов не любил, но в Диме Яворском ему нравилось отсутствие жадности до сенсаций и стремление разобраться во всем досконально. Было в нем что-то несвойственное обычным журналистам. Он скорее похож на любознательного стажера, готового часами терпеливо слушать и конспектировать. «Пара минут» обычно превращалась в многочасовое чаепитие-лекцию. Частенько во время таких «лекций» Владимиру Евгеньевичу приходили в голову любопытные идеи.

– Приветствую, Дмитрий, – Скворцов, справившись, наконец, с непослушным замком, толкнул дверь и подался в сторону Яворского, все-таки уронив при этом папку. Нагнулся за ней.

– Я слышал, вы улетаете завтра, Вла...

Мощный взрыв разнес в щепу дверь и, разворотив часть стены, разметал людей по коридору.

– Заноси. Так. Осторожно голову, – доносились сквозь звон в ушах едва различимые слова.

– Так. Давай сюда. На кушетку. Осторожней.

– Где Дима? Что же это... – подумал Скворцов. Нет, он, кажется, произнес это вслух. В комнате воцарилась тягостная тишина, прерываемая воем сирены за окном.

– Нет его, – донеслось откуда-то издалека. – Деревяшка от дверного косяка аккуратно в сонную артерию ему... Еще горничная тоже...

– Лежите, лежите. Вам нельзя вставать. Сейчас я вам руку обработаю, – подскочила медсестра. В медицинский кабинет вошли двое.

– Вы не в рубашке – вы в бронежилете родились, господин академик, – произнес один из них, представившийся капитаном ФСБ Андреем Смелковым. Вторым оказался лейтенант Алексей Бураков.

– Знакомому вашему повезло гораздо меньше, да и остальным... А ведь «гостинец» предназначался именно вам. Что скажете?

– Да, Владимир Евгеньевич. Я понимаю, вам сейчас тяжело, но обстоятельства требуют. Не могли бы вы предположить – кто бы это мог быть? Кому вы мешали?

– Н-нет... так сразу... сейчас не скажу. Не знаю, – поморщился Скворцов.

– Ну ладно. Сейчас мы здесь закончим и отвезем вас в наш госпиталь на Пехотном. Так будет лучше.

Скворцов лежал на кушетке, прикрыв глаза. Попытка сесть закончилась головокружением и приступом тошноты. Сильно болела голова. Мысли разбегались.

Кто? За что? Было ясно только одно – безмятежная, безоблачная жизнь, наполненная интересными встречами, диспутами, поездками, осталась в прошлом. Его не оставят в покое. Ну, отлежится он в госпитале ФСБ, а дальше что? Не предоставят же ему персонального телохранителя? Не велика персона. Или велика? Может, то, что случилось, как-то связано с тем, чем он занимается, с его работой?

– Пора, – прервал его размышления Бураков. – Пойдем через запасной выход. Береженого бог бережет.

Они медленно спустились по узким лестничным пролетам, часто останавливаясь: впереди Бураков, держащий руку на расстегнутой кобуре, за ним Скворцов, время от времени опирающийся о стену. В конце процессии, то и дело оборачиваясь, шел Смелков. На улицу первым вышел Алексей.

– Все чисто, – доложил по рации Бураков, внимательно изучив взглядом близлежащий «парк скульптур» и автостоянку. Быстро, насколько это было возможно, сев в черную «Ауди», они понеслись по Полянке в сторону Щукина.

– По-моему, нас пасут, – Бураков поправил зеркало заднего вида. – Я еще на Моховой заметил, думал, показалось.

Они уже подъезжали к концу Тверской. Смелков взял у Алексея рацию:

– База, я девятый. Сергей, ну-ка пробей мне серебристую BMW номер В 803 МА 97.

– Ну вот, солидный товарищ – депутат Госдумы Дивовский, – Смелков достал сигарету, – или его сынок, на крайний случай. Да и этой «серебристой» нет нигде. Параноик ты, Леша.

– Будешь тут параноиком, – огрызнулся Бураков, – кругом вон что творится: подрывы, убийства, похищения... Да что там, радио стоит только включить, – Алексей потянулся к магнитоле.

– ...дент сообщает – сегодня в семь часов утра на юге Московской области, в районе города Чехов, был сбит беспилотный летательный аппарат. После

падения аппарат самоуничтожился. Представители штаба ПВО и в пресс-службе ФСБ от комментариев отказались. Очевидцы говорят, что...»

- Вот, пожалуйста, - Бураков щелкнул магнитолой и обернулся.

- Ты на дорогу смотри. - Смелков затушил окурок. - Это уже второй за неделю. А сколько их еще незамеченных летает? Один... м-м... скажем, мой знакомый рассказывал, что засечь их практически невозможно. Смазывают эти беспилотники какой-то нанохренью, и замечают их патрулирующие «МиГи», ну, в общем, только случайно. У нас такое тоже есть, но от этого, как говорится, не легче.

- А зачем их вообще сюда запускают? Со спутников же можно газеты читать. - Бураков нервно барабанил по баранке, глядя на красный свет светофора. Они въезжали на Брестскую.

- С помощью таких штуквин много чего можно. - Смелков достал еще одну сигарету. - Со спутника, например, наш с тобой разговор не прослушаешь, нужных снимков не сделаешь. Или вот из установленного на беспилотнике гранатомета можно садануть по любому объекту, по нам, например.

- Тьфу на тебя, Андрей, накаркаешь.

- Ох, - на заднем сиденье, рядом с капитаном, заворочался Скворцов.

- Вот, возьмите, Владимир Евгеньевич. Может, немного поможет. - Андрей протянул пачку нео-анальгина. - Под язык положите - растворится.

- Нет. Спасибо. Мне уже лучше. Медсестра в отеле какой-то укол сделала. Где мы?

- На Брестской, на Ленинградский проспект выезжаем. Скоро уже. Дальше по Волоколамскому, а там на пехотный... Ну вот, опять пробка.

- «...кругом вон что творится - подрывы, убийства, похищения...», «...был сбит беспилотный летательный аппарат...», «...из установленного на беспилотнике

гранатомета можно садануть по любому объекту...», «...патрулирующие «МиГи»...». – Обрывки фраз всплывали откуда-то из глубины подсознания. Скворцов прислонился лбом к прохладному стеклу дверцы.

Надо же! Он, увлеченный своей работой, и не замечал всего этого. Криминальных новостей Скворцов смотреть не любил, политикой не интересовался. Но почему, например, он не замечал проносящихся над городом истребителей? Да уж! «Человек с улицы Бассейной» тоже, наверное, был академиком РАН. Хотя ничего удивительного – он в свои пятьдесят пять лет и женат-то не был ни разу. Работа занимала все свободное и несвободное время, отвоевывая по несколько часов в сутки даже у сна.

– Меня сейчас стошнит, – Скворцов скривился.

– Час от часу не легче. – Смелков уже открывал дверь со стороны академика, который тут же выбрался из «Ауди» и сделал несколько шагов в сторону одного из тополей, так щедро высаженных по всей Москве в середине прошлого века. Открыв переднюю дверь и поставив ногу на асфальт, Бураков оглядывался по сторонам. Его взгляд скользил по входу в кафе «Бизерта», подземному переходу, серебристой BMW, и остановился на черном, бездонном жерле РПГ-36 [1], изрыгающем пламя.

– Ни фиги себе... – только и успел сказать лейтенант. Следующие его слова потонули в грохоте взрыва.

3.09.2026 г. Поезд № 3742 Москва – Волгоград

Егор с самого начала не хотел ехать. Муторно как-то было на душе. Обстановка вокруг какая-то беспокойная. Во всем чувствовалась напряженность. Было необычно много пьяных, а трезвые ходили какими-то озлобленными и задерганными. Лететь самолетом он не решился – уж слишком часто те падали в последнее время. Садясь в поезд, Егор вспомнил, как его отец лет десять назад вот так же не хотел ехать на дачу, все тянул время. Потом все-таки поехал, пропустив пару переполненных электричек. Последняя из них столкнулась лоб в лоб с товарняком. Оптимизма такие воспоминания не добавили, и всю дорогу до Волгограда он курил прямо в купе. Народу в поезде было мало, в купе они с

приятелем были одни, да и проводнику было явно не до них. Он еле стоял на ногах. Ехали долго, постоянно пропуская какие-то воинские эшелоны с непонятной техникой, укрытой брезентом. Музыка слушать не хотелось. Егор включил ноутбук. Зашел на форум, где обычно шли ожесточенные споры на любые темы: начиная от бесчинств военной хунты в Грузии, съезжившейся до пригородов Тбилиси, и беспорядков в Риге до контртеррористической операции ВС Украины в Крыму и оккупации США Венесуэлы. Последний пост там был недельной давности. Бесцельно полчаса побродив по сайтам, Егор захлопнул крышку и, вынув вилку из розетки, поставил на подзарядку свой мобильник. Приятель Колька постоянно спал. Сигареты шли одна за одной. За два дня у Егора «улетело» три пачки. Где-то под Борисоглебском поезд долго стоял, и они с Колькой, открыв дверь, вышли поразмять свои косточки. Поскольку во время стоянки в чистом поле не было и речи о том, чтобы купить пива, семечек или еще чего-нибудь, они бесцельно слонялись вдоль вагонов, когда в небе почти бесшумно появился «К-72» [2] .

– Красиво идет. – Егор поймал вертолет на экран мобильного. – Снято.

На вокзале до них домотался какой-то не то свидетель Иеговы, не то сатанист, еле отвязались. Ко всему прочему, в какую гостиницу они ни совались, везде не было мест: то беженцы какие-то все оккупировали, то конференция уфологов. Выйдя из гостиницы «Турист», что неподалеку от Центрального стадиона, на котором в прошлом году «Ротору» вручали золотые чемпионские медали, они натолкнулись на расположившихся прямо на газоне спартаковских фанатов. Причем это были что ни на есть самые настоящие «Хулс», без всяких шапочек и шарфиков. Изрядно нагруженные пивом и чем-то покрепче, многие из них спали. Другие резались в карты или шумно обсуждали состав на игру. Поскольку Колька был болельщиком «Спартака», он быстро нашел с ними общий язык, и проблема ночевки была решена, тем более ночи в Волгограде стояли теплые, да и согреться было чем.

4.09.2026 г. Волгоград. В районе стадиона «Ротор»

Проснувшись в восемь утра, Егор обнаружил, что Колька уже не спит. Тот сидел со вчерашним прикольным пареньком из Бескудникова, что на севере Москвы, и

жевал бутерброд с «Докторской», запивая вчерашним пивом.

- Накатишь? - Колька зевнул.

- Не-а. - Егор потер занемевшую шею. - Какие планы на сегодня?

- Да вот, Славик говорит: «Тетка тут есть у меня. Живет на улице «имени меня», на Славской живет в двушке. Можно у нее остановиться. Она недорого возьмет».

- Далеко?

- Да не, по московским меркам недалеко - десять остановок на метро до «Госуниверситета».

- Хех. Метро. Прикольно - Колька закурил. - Трамвай под землей ездит. Никак привыкнуть не могу.

- Не метро, а метротрам, - поправил своего нового знакомого Славик.

- Ну что, погнажи? - Егор закинул рюкзак за спину.

Колька изучал схему.

- «Профсоюзная», «Комсомольская», «Пионерская» - гляди, как в Москве. Уже тридцать пять лет как Союза нет, а названия остались.

- Да тут еще «Площадь Чекистов» есть, - ткнул пальцем в схему Славик, - а едем в Советский район.

- Осторожно, двери закрываются. Следующая станция «Ельшанка», - отчеканил металлический голос.

- А вот гляди - «Водоотстой». Гы-гы-гы...

Поезд-трамвай остановился. В отсутствие шума идущего «чуда инженерной мысли» сразу стал отчетливо слышен людской гомон, постепенно сходящий на нет. Только пожилой мужик громко кому-то доказывал:

– Раньше я на свою зарплату три с половиной тысячи раз на метро проехать мог. За пять-то копеек, а теперь сколько?

Наконец умолк и он. Только переговоры диспетчеров изредка прерывали покашливание, шелест газет и завывание ветра. Прошло десять минут.

– Просьба соблюдать спокойствие. Поезд скоро отправится, – необычным, дрожащим голосом произнес машинист. Прошло еще пять минут.

– Когда же... – Голос Славки оборвал странный шум, похожий на рев несущегося со скоростью сто километров в час поезда. Вагон подпрыгнул. Погас свет. Последнее, что увидел Егор – то, как испуганная девушка пытается спихнуть с себя плюхнувшегося ей на колени Кольку.

3.09.2026 г. Москва. Ленинский проспект в районе станции метро «Аэропорт»

Скворцова швырнуло взрывной волной на ствол старого тополя. Перевернувшись на спину, краем глаза он заметил горящую факелом «Ауди» и то, что осталось от Смелкова. Через дорогу, наперерез машинам, казалось, даже вприпрыжку, к нему бежал, расстегивая на ходу пиджак, хозяин BMW. Еще секунда, и у нападавшего в руках появился короткий автомат, похожий на те, что используют спецслужбы. Ужас парализовал академика. Скворцов не двигался с места, замороженно глядя на вороненый ободок дула. Из оцепенения его вывел выстрел. Незнакомец схватился за плечо, выронил автомат и, обернувшись на приближающийся звук сирены, побежал в направлении дворов. Встав на четвереньки, Скворцов подполз к окровавленному лейтенанту. Пульса нет. Не сумев разжать еще теплую ладонь с пистолетом, он с трудом поднялся на ноги. Стошнило. Стал собираться народ. Пошатываясь, зачем-то подобрал автомат, академик побрел к подземному переходу.

– Скорее сюда. Вон он, киллер. Седой. Вон, к переходу идет, – завопили из начавшей собираться толпы. Скворцов бросился бежать. Не разбирая дороги, спотыкаясь и расталкивая людей, он несясь вдоль домов, пытаясь найти среди витрин, пестрящих рекламой, какую-нибудь подворотню или простенок. Впереди мелькнула буква «М». Нащупывая в кармане транспортную карту, академик кубарем скатился по ступенькам, задевая народ.

– Ка-а-а-зел. Придурок, – неслоьсь вслед. Турникеты, эскалатор – на одном дыхании. «Аэропорт, Динамо, Белорусская...» – это на электронном табло. Направо. Поезда нет. Он стоял на платформе и, тяжело дыша, оглядывался по сторонам.

– Вон еще один. Сейчас о конце света завоет. – Девушка вцепилась в локоть своего спутника. – Давай отойдем подальше.

Да уж! Видок у меня, наверное, – детей можно пугать без грима. Скворцов оглядел свой помятый, пыльный пиджак, рубашку почти без пуговиц. От ключицы к кадыку – багровая царапина. Из-под порванного рукава выглядывает грязный бинт. Маньяк с безумным взглядом, да и только. Засунув поглубже автомат и запахнув пиджак, он шагнул в подошедший поезд. «Не прислоняться» – прислонился. Вокруг постепенно образовалось свободное пространство. Косились. Вошедшие на «Аэропорте» сразу проходили в центр вагона.

– Станция «Белорусская». Уважаемые пассажиры, при выходе из вагона просьба не забывать...

«Так. Теперь куда?» Решение созрело мгновенно. На Делегатскую, одиннадцать, к Мишке, бывшему однокурснику. Сейчас восемь вечера, и он должен быть дома. Значит, к нему, а там посмотрим.

Поднявшись на эскалаторе на «Новослободской», Скворцов заметил четверых ментов. Ближний из них буравил взглядом поток пассажиров. Академик поспешил смешаться с толпой, двигаясь так, чтобы между ним и милицией находился высокий, широкоплечий, стриженный наголо субъект в кожаной куртке.

– Эй, ты, ну-ка иди сюда, – из-под козырька фуражки на него смотрели водянистые, ничего не выражающие глаза.

Скворцов моментально вспотел. Ноги отказывались слушаться. Сделать первый шаг в сторону бесцеремонного сержанта было равносильно самоубийству. Академик почувствовал себя Христом, идущим на Голгофу. Владимир Евгеньевич набрал в легкие воздуха и шагнул, но его опередил затянутый в кожу лысый верзила.

– А че такое, начальник?

– Гражданин, ваши документы. – Молоденький лейтенант был подчеркнуто вежлив, в отличие от своего подчиненного.

– Вот, – скинхэд вытащил из кармана выдавший виды паспорт.

Видя, что на него не обращают внимания, Скворцов бочком-бочком выскользнул из метро, едва не получив по лбу массивной входной дверью. Обошлось.

Пройдя по Краснопролетарской улице и Второму Щемиловскому переулку и дальше сквозь «Детский парк», он остановился у подъезда нужного дома. По домофону никто не отвечал.

– Нельзя. Фу. – Из дверей выскочила симпатичная блондинка и, увлекаемая ретривером, скрылась за углом. Скворцов вошел. Вызвал лифт.

– Развели тут собак. Ворюги. Загадили все вокруг, – за ним в лифт вошла старушка. – Вы к кому?

– К Пановым, – назвав первую пришедшую на ум фамилию, он заслонил от правдоискательницы панель и нажал металлическую кнопку с цифрой «9». – А вам какой?

– Второй.

Скворцов, пожав плечами, нажал на «2».

Потрезвонив в дверь сорок седьмой квартиры добрых три минуты, он уже хотел уходить, раздумывая, что делать дальше, когда заметил щель между дверью и косяком. Обшитая тканью металлическая дверь была прикрыта неплотно. Чужое недоброе, Скворцов после минутной паузы толкнул ее плечом. Хотя, наверное, зря такая конспирация. Засветился по полной программе. Как минимум двое жильцов его видели.

В коридоре пусто.

– Миша, Настя.

Тишина. В комнатах и на кухне тоже никого. Нет ни следов борьбы, ни крови. Упал в кресло. После всего пережитого на него накатила усталость, и Скворцов провалился в сон.

3.09.2026 г. Москва. Шоссе Энтузиастов, д. 26

Катя снова проверила список вещей, уже собранных в сумки.

– Ничего не забыла? – В комнату вошла ее мама. – Давай я тебя проверю. Ты всегда что-нибудь забываешь.

– Да все уже десять раз проверила, мама, – Катя недовольно протянула список.

– А чайник что не берем? А хлебопечку? А эту...компьютер твой?

– Мам, Костя сказал «налегке, самое необходимое». Остальное там есть.

– Ага, есть. А хлеб опять этот серый, казенный есть? Я печку уже и упаковала. И мясорубку французскую.

– Ма-а-а-ма! – Катя, выхватив листок со списком, швырнула его на тумбочку. – Все нужное: свое и Костино, я с компа на флешку перенесла, а печка, кто ее потащит?

– Я.

– А сумки?

– Ну ладно. Все вроде уже собрано. Завтра еще раз подумаем: чего брать, чего не брать. Утро вечера мудренее. – Елена Сергеевна ушла к себе.

Катя задумалась. Все ли она сделала? В школе расчет взяла. Денег немного со счета сняла. Кошек пристроила. Их потом заберем. За квартиру заплатила за три месяца вперед. Так. Квартира, зверье, машина, дача. Ах да, ключи от дачи.

Катя запихнула связку ключей с брелоком – плюшевой коровой в карман сумки-баула. Она немного волновалась, так как не понимала происходящего. В Москве они с Костей жили уже шесть лет, после того как его перевели из Питера. Командировки были нечастыми и недолгими. А тут полгода назад он уехал куда-то на Урал и, главное, не сказал куда. Последний раз, когда у Кости была такая долгая командировка, он вернулся со страшным шрамом на предплечье. В этот раз через две недели звонит и говорит, что его переводят на этот Урал, но к нему пока ехать нельзя. Теперь звонит и говорит, приезжай к нему. Да еще с любимой тещей. Но быстро и налегке.

3.09.2026 г. Москва. Лесопарк «Покровское-Глебово»

Все было плохо: объект не уничтожен, рукав пиджака, несмотря на то что он перетянул плечо разорванной рубашкой, все больше набухал от крови. Да еще отцовскую «бэху» запалил. Автомат с пальцами... в общем кошмар. Его должны подобрать в лесопарке «Покровское-Глебово». Так ему сказали, когда он позвонил, сообщив о провале. Темнело. Дивовский старался идти по безлюдным улочкам и переулкам. Подолгу затаившись в кустах, в подворотне или за киоском, он с опаской, постоянно оглядываясь, пересекал широкие улицы и перекрестки.

– Факинг шит. – Дивовский задел за ветку раненым плечом. Он уже на окраине парка.

Согласившись убрать академика, он не испытывал особого страха. Ему показали, как управляться со «слепнем». Это оказалось очень просто. Провели две тренировки в Подмосковье. На территории старого, заброшенного завода под Воскресенском Дивовский с удовольствием расстрелял пару брошенных «двадцать пятых» «ВАЗов». Потом пострелял из ПП-110/113 [3] по банкам и наклеенным на стену бумажным мишеням. Он чувствовал себя американским спецназовцем. Дивовского заверили, что сразу после акции вывезут в Штаты, где он будет работать по своей специальности – главой финансового подразделения крупной строительной компании. К тому же, уверяли его, он будет действовать по давно отработанной схеме, до него это делали многие, и вообще в Москве в ближайшее время будет не до убийства академиков.

Не то чтобы он мечтал убить именно академика Скворцова, но он ненавидел, как он называл их, этих «педриотов», с их солдафонскими рожами. Скворцова же он вообще представлял таким скрюченным маньяком-профессором с прической, как у Эйнштейна, с безумными глазами, ковыряющимся с колбочками и сосудами и выращивающим мутантов и «педриотических» солдат-клонов. Палец так и тянулся к воображаемому курку. Ну ничего, скоро всей этой «кровавой ГЭБне» хана.

В сгущающихся сумерках Дивовский, наконец, отыскал вторую от фигуры каменного тролля скамейку и, усевшись на нее, бережно, как младенца, пристроил правую руку на коленях. Когда уже совсем стемнело, еле шурша гаревым покрытием дорожки, медленно подкатил большой черный внедорожник. Тонированные стекла на передней и задней дверцах опустились одновременно.

– Олег? Дивовский? – Владелец знакомого голоса посветил фонариком.

– Да, – Дивовский подался вперед. Несколько едва слышных хлопков, и «Мерседес» поплыл по аллее, оставляя позади несостоявшегося нью-йоркского топ-менеджера, пришитого к скамейке стежками калибра 5,45.

4.09.2026 г. Москва. Ул. Делегатская, д. 11

Его разбудил противный писк будильника, стоявшего рядом на тумбочке. Вытянув затекшие ноги, Скворцов отключил «гада». На экранчике светились зеленые 6.00. Ниже помельче 04.09.2026.

Ничего себе, он проспал больше суток! Значительно больше. Хозяев не было. Академика с новой силой захлестнули переживания позавчерашнего дня: «...подрывы, убийства, похищения...», «...сбит беспилотный летательный аппарат...», «...садануть по любому объекту...». Только теперь в его не замутненной обезболивающим голове стала складываться мозаика событий последних месяцев. Пропавшая на Памире московская группа альпинистов, в которой были трое сотрудников его отдела. Сгоревший в «Тойоте», найденной на Егорьевском шоссе под Гжелью, начальник его лаборатории. Причем на второй день следствия у местного РОВД это дело перехватили фээсбэшники. Погребенные вместе со своими семьями под плитами взорвавшегося, якобы от газа, дома еще семеро его сотрудников. Паранойя? Раньше – может быть, да. Теперь – нет.

Скворцов курил, нервно вышагивая по комнате. Что же ему делать? Его сейчас ищут и вся московская милиция – как киллера с метро «Сокол», и неизвестные убийцы – хозяева BMW.

Так. Берем себя в руки. Сначала закрыть дверь и сдвинуть занавески на окнах. Теперь поесть – желудок болит.

Скворцов нашел пельмени, и пока они варились, успел принять душ и переодеться в Мишин спортивный костюм. Что теперь? Бежать? Скрыться? Куда? Может, все-таки пойти в ФСБ, на Лубянку? Да, наверное. Автомат. Что с ним?

Он осторожно взял руки оружие. Отсоединив магазин, взвесил его на ладони. Тяжелый. Наверное, полный.

Скворцов в армии не служил и в оружии не разбирался.

– Да. По улице с этим не погуляешь, – он положил автомат под кровать, предварительно завернув его в свитер.

Как добраться до Лубянки? В метро лучше не соваться. На такси? Может гаишник остановить. Фоторобот небось уже готов. Ну что же, пойдём пешком.

Скворцов включил компьютер, чтобы загрузить карту Москвы из Интернета. На экране появилось сообщение о голосовой почте. Он щелкнул мышкой.

– Миша, уходи. Беги, Миша. Я не успею... Меня пытались убить... Я знаю, почему... Как всех наших... Уходи... Они ломаются... Они придут и к тебе...

Скворцов узнал голос своего заместителя, Павла Андреевича Скоробогатова.

Успел Михаил или нет? Вряд ли. Сообщение не «прочитано». А телефон?

Он поднял трубку. Тишина.

Значит, телефонный шнур они перерезали, а «выделенку» – нет. Ему нужно скорее уходить отсюда. Скворцов распечатал фрагмент карты, взял куртку и вышел из квартиры.

Сбежав по лестнице, предварительно выглянув из подъезда, он быстрым шагом скрылся за углом, не заметив бесшумно подкатившего черного внедорожника «Мерседес», из которого, взаимно не заметив академика, вышли двое и направились ко входной двери.

– Ушел, гад. Говорил же тебе, оставь кого-нибудь здесь.

– А кого? У меня все люди заняты. Самому, что ли?

– Да хоть бы и самому. Этот долбаный академик уже третий раз соскакивает. Живчик, блин.

– Да уж. Этот Дивовский тоже хорош. Ничего вам, русским, доверять нельзя.

– Да ладно. Ты-то из «Президента» академика тоже упустил. – Коротко стриженный качок повернулся к окну.

– Да. Я плохой, – «ироничный» достал из кармана новенькую «беретту» Px4 Storm с глушителем, – но об этом никто не узнает.

Грузное тело «критика» мешком осело на пол.

– Пораскинь мозгами, – «шутник» засунул пистолет обратно. И уже самому себе: – Мне еще пенсию по выслуге от департамента получать. А какая тут пенсия с вами – такими уродами?

Виктор Борисович Соколов, а иначе Сокол или Говард Макферсон – майор ЦРУ, работал в России уже семь лет, и в его планы не входило оставаться здесь навсегда. К тому же он подозревал, что жить здесь скоро будет ох как некомфортно. Собственно говоря, затем он и здесь. Но где же этот неуловимый академик? Его внимание привлек едва слышный шум компьютера.

Потревоженный курсором «мышки» экран, загоревшись, высветил фрагмент карты ЦАО Москвы.

– На Лубянку побежал. Да совковая закваска еще. Ну что ж, поиграем в кошки-мышки. – Сокол выдрал шнур из розетки и, выстрелив три раза в системный блок, вышел из квартиры, аккуратно закрыв за собой дверь. Минута-другая – и «Мерседес», стирая покрышки, сорвался с места.

«Он должен пойти по Делегатской на Самотечную. Перехвачу его где-то на Цветном бульваре».

«Мерс», заложив вираж, выехал на Самотечную, оставив позади две «вдувшиеся» друг в друга легковушки и перевернувшийся автобус. И это прямо у Центрального управления ГАИ!

Сокол ухмыльнулся. Миновав мост и въехав на Цветной, внедорожник сбавил скорость. Соколов всматривался в бесконечную череду лиц пешеходов.

Только бы опять не ускользнул неуловимый Джо.

Он достал «беретту» и положил ее рядом на сиденье.

А вот и он, голубчик. Идет мимо памятника Никулину у цирка. Торопимся?

Сокол, опустив тонированное стекло, взял пистолет.

– Сейчас определим тебя к остальным. – Он прицелился, улучив момент, когда около академика не оказалось народа. И в этот самый момент завывала сирена гражданской обороны. Сокол на мгновение опешил. Вокруг все сразу изменилось. Какие-то люди застыли как вкопанные, открыв рот, какие-то рванулись в разные стороны. Один старик, попятившись, угодил под колеса микроавтобуса Volvo. Водитель, резко вывернув руль, ударил «Мерседес» сзади. От удара у стрелка дрогнула рука. Хлопок – и пуля высекла фонтанчик искр из радиатора бронзового никулинского автомобиля и вгрызлась в асфальт.

– Да чтоб тебя. – Он прицелился снова. Академик, тем временем сбитый кем-то с ног, поднялся и побежал. Сокол выстрелил ему вслед три раза. Результат – два пулевых отверстия в рекламном стенде и одно в спине у какого-то музыканта, так и упавшего, не выпуская своего инструмента из рук.

4.09.2026 г. Москва, Шоссе Энтузиастов, д. 26

Мобильник-будильник как всегда заиграл свою гнусную мелодию. Катя, зевнув, нажала его «красную кнопку». Вставать не хотелось. Но самолет не электричка, которая шумит под окном, набирая ход от станции «Новая», на следующий не сядешь. Потянувшись, она встала с кровати, набрала в чайник воды из-под крана и отправилась в ванную чистить зубы. Дурацкая щетка с моторчиком хоть и приятно-полезно массировала десны, стоило ее не успеть выключить, вынув изо рта, тут же забрызгивала все вокруг.

– Ну что? Будешь опять полтора часа накрашиваться-начесываться? Копуша. – Елена Сергеевна вошла в ванную. – У нас времени в обрез.

Щелкнул чайник. Катя быстро сделала бутерброды, налила кофе.

– Эх, как же теперь наша псина? – вздохнула Елена Сергеевна.

– Ничего, Сергей присмотрит.

- Да нужен он ему.

- Да ладно. Чего ему, пары сосисок жалко, что ли?

- Я по Боссу буду скучать.

- Я тоже.

Пес появился у них на даче два года назад. «Кавказец», примерно полтора лет, пришел, вернее, приковылял откуда-то из лесу с перебитой лапой. Они и привязались к нему, пока лечили. Босс мотался по всем дачам, но ночевать все время приходил к ним. Зимой он обитал у сторожа, но Елена Сергеевна почти каждую неделю ездила подкармливать пса.

В семье Волоховых вообще любили животных. Еще до того, как на даче поселился Босс, Катя хотела завести ирландского терьера – симпатичное маленькое создание.

- Купим девочку, я буду ей бантики завязывать, – она показывала Косте фотки из Интернета. – Она в лоток будет ходить, и гулять не надо.

Костя был категорически против. Говорил:

- Одно-два домашних животных – друзья-товарищи, три – уже стая.

Познакомились они с Костей одиннадцать лет назад на дне рождения у подруги. Кате сразу понравился крепкий, хорошо сложенный парень невысокого роста, который пытался что-то напевать, мучая расстроенную гитару.

- Давайте я вам ее настрою, – предложила она.

- А вы умеете?

- А я «еще и на машинке вышивать могу». – Они рассмеялись.

- Ну, настраивайте, товарищ Матроскин, – он протянул гитару.

Самое интересное, что к гитаре он с тех пор так и не притронулся. Да и она, в течение одиннадцати лет, все обещала «как-нибудь» сыграть ему на пианино, пылящемся в углу.

Весело замурлыкал очередной хит мобильного.

– Долго не болтай, некогда, – крикнула вслед летящей по коридору Кате Елена Сергеевна.

– Катя, слушай внимательно, – это был Костя. – Сейчас же берите мамины запасы – сколько унесете, и больше ничего, слышишь? Это очень серьезно, – уже кричал он.

– Но...

– Это война, Катя. У вас пятнадцать минут. Берите, что я сказал, и еще теплые вещи, и бегите в метро, обязательно под мостом, – и уже каким-то изменившимся тоном: – Я очень люблю тебя. Я тебя обязательно найду.

Эта последняя фраза. Вернее то, каким тоном он ее сказал... Она поняла – это все серьезно.

Покидав рис, гречку, муку, консервы из запасов, которые хранила Елена Сергеевна («все дорожает») и над которыми все время смеялась Катя, она вывалила в сумку с уже приготовленными в дорогу теплыми вещами все лекарства, что были в коробке-аптечке. Через семь минут они уже выходили из-под арки дома номер двадцать шесть по шоссе Энтузиастов.

На улице все было как обычно – народ деловито спешил на работу. Поток пассажиров только что прибывшей электрички, огибая дом, разделялся на два ручейка. Первый из них исчезал в длинном лабиринте перехода к метро, у книжного магазина, второй нырял в переход за мостом, напротив Калининского парка, сразу исчезая за стеклянными дверьми. Катя с мамой поспешили туда. Стайка студентов МЭИ дурачилась, лупя друг друга по голове свернутыми в трубочки ватманами. Старичок со старушкой ждали на остановке пятьдесят первый автобус, идущий мимо Лефортовского рынка, в сторону поликлиники.

– Ну, мы как дуры премся тут с мешками. Да еще пуховик и пальто напялили. И это в августе месяце! – Они прошли под мостом.

– Я его убью. – Катя бросила сумку на асфальт, и, будто обидевшись за мужа, заревела сирена гражданской обороны.

4.09.2026 г. Москва.

В районе станции метро «Авиамоторная»

– Бежим к киоску, – Андрей потянул Витьку за рукав.

– Да. Думаешь – самый хитрый? – вырвался тот. – Там пройти нельзя, иначе все бы туда ломались. Бежим к метро.

– Далеко, не успеем, – Андрей махнул рукой, глядя вслед удаляющемуся другу.

Выбегая из дома, он уже держал в голове вариант с венткиоском с крупно намалеванными на дверце буквами «ВВ» и поэтому прихватил подвернувшийся под руку топор. До метро было четыре автобусные остановки. До венткиоска дворами пятнадцать минут ходу. Андрей добежал за пять. Размахнувшись топором, он сбил замок. В другое время Андрей не решился бы на такое, но не сейчас.

Честно говоря, он тоже думал, что пройти через киоск нельзя.

Андрей представлял себе внизу шахту, перекрытую вентилятором с огромными крутящимися лопастями. Но до метро точно не успеть. На самом деле за дверью оказались металлические площадки, соединенные лестницами. Одолев за четыре минуты двадцать пять пролетов, он увидел горизонтально расположенную шахту, состоящую из тех же тубингов, что и вертикальная. В конце ее была металлическая конструкция с проемом.

– Наверное, фильтры, – Андрей шагнул вперед, борясь с воздушным потоком, норотившим сбить его с ног. За фильтрами стояли два вентилятора, или

похожих на них агрегата, между которыми находилась закрытая гермодверь...

– Прав был Витька. – Он прислонился к двери, сползая вниз. Свернувшись калачиком на полу, Андрей попытался вспомнить армейские навыки. Открыл рот. Закрыв руками голову. Подбородок к коленкам. Что он мог еще сделать?

Первые две остановки Витька бежал легко. Недалеко от третьей начало сводить ноги. Пробежав еще немного, он остановился, пытаясь отдышаться. Вокруг бежали, толкались, падали, вставали, снова бежали обезумевшие люди. Высоко под облаками летело звено «МиГов». Витька задрал голову, провожая их взглядом, когда его ослепила нестерпимо яркая вспышка. Поэтому он уже не видел, как, кувиркаясь, падали самолеты, как металась горящие факелами люди и рушился на проезжую часть башенный кран. Он не видел ядерного гриба, стремительно растущего на северо-западе Москвы, где-то ближе к Химкам, от которого катилась волна, все сметающая на своем пути, и вблизи которого испарялись в мгновение ока сотни тысяч людей. Это были счастливики – из тех, кто оказался в этот момент на улице. Остальных ждала долгая и мучительная смерть.

Это было страшно! Но одновременно это завораживало. Если бы какой-нибудь художник имел возможность в этот момент воспарить над городом на высоту нескольких сотен метров, он стал бы очевидцем потрясающего по своей смертоносной красоте зрелища. Если к тому, что произошло, вообще можно применить такие слова, как «потрясающая» и «красота». Но открывшаяся взору гипотетического художника картина была достойна того, чтобы ее запечатлели на холсте и в назидание потомкам выставили в самом престижном и самом посещаемом в мире музее.

На северо-западе многомиллионного мегаполиса, на фоне удивительной голубизны сентябрьского неба распухает пурпурный плазменный шар. Он будто вобрал в себя обратно только что исторгнутую им вспышку и растет на глазах. Растет и поднимается ввысь, постепенно покрываясь барашками черного, а затем серого дыма. И вот недалеко от закипающего русла Москвы-реки уже возвышается на еще пока короткой ножке гигантский гриб. Его поначалу округлая, теперь вовсе не огненная шляпка расползается, делая эту дьявольскую конструкцию все более похожей на настоящий шампиньон. Вот уже и на его белой ножке образовалась бахрома. «Гриб» как бы прорастает сквозь расширяющиеся белые кольца, одно из которых уже поднялось над его «шляпкой», которая клубится и подсвечена снизу нежно-розовым.

А внизу в это время во все стороны правильным расширяющимся кругом бежит волна из пара, пепла и дыма. Она пожирает город. Грязно-серые клубы сносят все на своем пути. Распадаются на атомы дома и деревья, люди и животные.

Пробежавшись до Коптево, пепельный ковер-убийца теперь просто разрушает все, что не в силах съесть. Плавится металл, распадается на песчинки, чтобы потом навеки застыть в монументальной стекловидной массе, и кирпич, словно в жаркой топке паровоза, моментально сгорает дерево. Ну а люди? Люди просто испаряются! Вот на том месте, где только что лежал скрючившийся и оглушенный падением с лесов строитель в оранжевом комбинезоне, теперь просто облачко дыма.

На Ленинградском проспекте волна-убийца уже не так страшна. Теперь она не сильнее двенадцатибалльного урагана. Эта безжалостная стена врывается на улицы и переулки, переворачивает машины, швыряя их о стены домов, с которых тут же срывает едва успевшие загореться крыши. Она разносит в клочья торговые павильоны, вышибает окна и двери, сбивает пламя с деревьев.

Центру Москвы достается еще меньше. Здесь просто все горит, что вообще способно гореть.

Взрываются цистерны с горючкой и автозаправки, дымится ставший вдруг мягким асфальт, пылает недавно восстановленный дом-музей Аксакова, и посреди всего этого мечутся живые факелы.

Взрывается миллионами осколков Курский вокзал. Ураганный ветер сметает с платформ всех, кто не успел уехать или только что приехал, вместе с их баулами, рюкзаками и чемоданами.

В Лефортово лопающиеся стекла на «подветренных» фасадах калечат хозяев квартир и посетителей магазинов. В Перово упавший рекламный щит ломает шею ослепшей от вспышки студентке, а в Выхино только автомобильные сирены повсеместно реагируют на окончательно выдохшуюся исполнительницу приговора человечеству.

Люберцы. В Люберцах мужчина, выгуливающий пуделя, удивляется дымовой завесе, быстро надвигающейся со стороны Москвы. Он еще не подозревает, что

уже мертв, и бежит за сорванной ветром кепкой.

Многие не догадываются о том, что жить им осталось совсем недолго. И те, что, покрытые слоем пепла и измазанные в своей и в чужой крови, ползают среди искореженных машин, и те, кто, стряхивая пыль с волос, яростно тычут обожженными пальцами в мобильные телефоны в надежде дозвониться до «Скорой» или спасателей, и те, кто, откашлявшись, закрывают не разбитые даже окна. Все, все, кому не повезло оказаться в этот день и час на улице или угораздило выйти на нее позже.

Невидимый, без цвета и запаха, киллер уже посетил их. Люди все еще надеялись, то все обойдется, все наладится, потому что этого не может быть, потому что так не бывает. Да, это катастрофа, может быть, это самый чудовищный теракт, но вот сейчас всемогущее МЧС займется эвакуацией, появятся колонны строительной техники, развернут мобильные госпитали, вскроют резервы... И никто из них даже не мог представить, что на самом деле все хуже, чем они думают. Гораздо хуже.

4.09.2026 г. Москва. Начало ул. Нижегородской

Инспектор ГАИ Топоров, сучая, помахивал жезлом-фонариком. Свою обычную норму – триста евро – он уже собрал, благо место у него было «хлебное». Нерадивые водилы, выезжая с шоссе Фрезер на Нижегородскую, то и дело разворачивались в «неположенном» месте, в сторону области, а он тут как тут. К девяти часам, устав стричь купоны, Топоров с нетерпением ждал конца смены, когда с шоссе Фрезер на бешеной скорости, сверкая синей мигалкой, выскочила огромная туша «Хаммера». Он застыл с поднятым ко рту свистком, не веря своим глазам, на которых протараненный черным «Хамви» в район бензобака патрульный «Форд», охваченный пламенем, опрокинулся вверх тормашками. Топоров так и стоял секунд сорок, пока взволнованный голос по рации не прохрипел:

– Внимание! Всем постам! Сигнал «Атом»! Все в укрытие...

Повторять не потребовалось, инспектор уже бежал через дорогу к толстяку, дрожащие руки которого не справлялись с ключом в замке «Фольксвагена».

- Конфискую. - Топоров попытался отнять ключи.

- Да пошел ты...

- Пшел вон, - он выстрелил в лоб «грубияну» из «грача» [4] , - некогда мне. - «Фольксваген» с визгом сорвался с места.

Топоров умело лавировал между «Тойотами» и «Лендроверами», «Рено» и «Мерседесами», с ничего не подозревающими водителями. Уже у Таганской площади, обогнув груды искореженных иномарок, организованную, видимо, все тем же «Хаммером», стоящим неподалеку, инспектор врезался в толпу у спуска в метро «Марксистская». Он выбил лобовое стекло двумя ногами и, пробежав по капоту, сиганул с бортика вниз, в толпу.

4.09.2026 г. Москва. Верхний вестибюль станции метро «Авиамоторная»

Всклопоченный станционный работник милиции, подобно швейцару, угодливо открывал стеклянную дверь перед каждым входящим.

- Скоро его снесут вместе с дверьми.

Катя и Елена Сергеевна поспешили на эскалатор.

Второй милиционер, с белым как мел лицом, нервно курил прямо в вестибюле станции, устремив блуждающий взгляд сквозь толпу, поднимающуюся вверх. Третий, с мегафоном в руках, пытался завернуть эту толпу обратно вниз.

Елена Сергеевна вцепилась в резиновый поручень эскалатора. В молодости, вот так же зайдя в вестибюль «Авиамоторной», она буквально столкнулась с выбегающими окровавленными людьми - жертвами той давней трагедии. И с тех пор каждая поездка на механической ленте для нее давалась не просто. Сверху слышались крики, потом выстрелы. Ей не хотелось даже думать о том, что там сейчас происходит. Они с Катей успели дойти до середины платформы, когда белоснежный свод потолка попытался стряхнуть с себя тут же погасшие

люстры. И уже в свете ламп аварийного освещения, падающего на перепуганные лица спасенных, мимо них пронесся худощавый мужичок с криком:

– Я успел, я успел. Они после меня закрыли. Я успел... – Он еще долго что-то бормотал, сидя у глухой стены под крыльями-моторами. Обхватив руками колени, этот мужичок раскачивался туда-сюда, туда-сюда.

Елена Сергеевна и Катя расположились у второй колонны от этой стены, со стороны пути «от центра». «От центра» вместо поездов шли люди. На станции их уже скопилось порядочно, а они все шли и шли. Скоро на платформе не осталось сидячих мест. То есть, поскольку люди сидели везде, мест не осталось вообще.

Новоприбывшие оставались стоять на путях. Воцарилась тишина, какая бывает, когда поезд вдруг остановится в тоннеле между станциями.

– Где начальник станции? – первый из спасенных, вышедший из коллективного транса, уже пробирался к служебным помещениям.

– Капитан второго ранга Борисов, – представился он преградившему ему дорогу лейтенанту. – Где мне найти начальника станции? – Тот только махнул рукой в направлении диспетчерской.

В маленькой комнатке, загроможденной щитами, пультами и экранами, между сейфом и монитором сидел маленький человек с посеревшим лицом. Не обращая внимания на вошедшего, он продолжал глядеть куда-то в центр комнаты, обхватив свою голову руками.

– Да, у вас тут прямо как на командном, на моем «Петре Великом» [5], – попытался разрядить обстановку Борисов. Находящийся в трансе начальник станции не реагировал.

– Так, лейтенант. Сколько здесь ваших?

– Пятеро.

– Давай зови всех сюда и принеси мегафон.

– Как тебя зовут? – Это уже к диспетчеру.

– Алексей.

– Хорошо, Леша. Давай-ка свяжемся с другими станциями, пока все это ваше хозяйство работает.

– Старший лейтенант Белобородов, – представился один из троих вошедших в диспетчерскую милиционеров, покосившись на начальника станции.

– Вот что, старлей, я тут у вас покомандую маленько на правах старшего по званию, но только до подхода компетентных товарищей. Думаю, никто не возражает?

Возражавших не нашлось. Проведя короткое совещание с находящимся составом, Борисов вышел на платформу.

– Внимание. Сотрудники правоохранительных органов, министерства обороны и МЧС, а также медицинские работники, подойдите в штаб гражданской обороны к кабинету начальника станции.

Таковых оказалось неожиданно много. Через полчаса был сформирован сам штаб, а также медицинская бригада, в которой в большинстве были медики из «Бурденко», и разношерстный отряд по поддержанию правопорядка. После переговоров с другими станциями, ставшими в одночасье бомбоубежищами, стала складываться невеселая картина. Вообще не отвечали около двадцати пяти станций, отделенных от центра открытыми перегонами и мостами. Еще не выходили на связь «Сходненская», «Планерная», «Речной вокзал», «Водный стадион» и «Южная», а связь с «Пражской» пропала после того, как в трубке слышались крики и выстрелы.

– Наверное, стрельбой в воздух, как у нас, там не обошлось, – Борисов встал. – Белобородов, возьми побольше людей и дуй наверх через шлюз, Алексей покажет. Медицинская бригада уже там. Организуешь переноску раненых в давке в служебные помещения. Там есть что-то типа бункера. Да. Сколько у нас

стволов?

- Три «АК-112» [6] , два «грача», два «стечкина» [7] .

- М-м-м семь... Николаев, Дворников, заступаєте охранять спецсредства в бункере. Через четыре часа вас сменят. Скрыльников, бери остальных и размещай женщин с детьми и стариков по поездам и лучшим «служебкам». - Борисов закурил. Ему предстояло самое трудное - решить продовольственный вопрос.

М-да, «отнять и поделить». Но первым делом...

- Сергеев, - подошел лейтенант. - Вы с Епифановым сейчас пойдете в «бункер», на склад и возьмете рюкзаки, дозиметры и противогазы. Николаева я предупредил. Задача такая: в переходе у стеклянных дверей есть хлебный и еще один продуктовый ларек. Обследуете внешние гермозатворы, возьмете продукты и сразу вниз. Еще двое невменяемых, - Борисов посмотрел на начальника станции, - мне не нужны. Даю вам на все про все - полчаса. Идите через машинный зал, чтобы не мешать бригаде медиков.

Епифанов и Сергеев спустились вниз через люк, который находился недалеко от гермозатвора, прошли через шлюз в небольшое помещение, куда спускали раненых через такой же люк, находящийся перед эскалаторами. Прижимаясь к стене, лейтенант и его напарник миновали суетящихся медиков и вошли в натяжную станцию эскалаторов. Там они поднялись по бетонным ступеням наверх, в машинный зал. Из него по коридору к лестнице и опять наверх, в вестибюль.

За стеклянными дверьми действительно стояли два нетронутых ларька: хлебный и обычный продуктовый. Хотя «продуктовый» - сильно сказано. Кофе, сигареты, кола, чипсы. Самое лучшее, что там было - супы, картофельное пюре и вермишель в пакетиках и баночках. «Просто добавь воды...».

Сергеев огляделся. В свете аварийных ламп отсеченная гермозатворами часть перехода выглядела зловеще.

- Надо быстрее убираться отсюда, - он поежился. - Наверное, газетный киоск и палатку с косметикой посмотрим потом.

- Согласен, - Епифанов поправил автомат на плече.

- Ты к левой «герме», я к правой, - шагнув к гермозатвору, Сергеев услышал сначала слабые, а потом все более сильные звуки ударов металла о металл... Из-за гермозатвора!

7.09.2026 г. Волгоград. Платформа станции метро «Ельшанка»

- Ну вот, я и говорю - если щас выйти и пойти по Слесарной в сторону центра, минут через десять управление МЧС областного будет. Тока мужиков дожидаться надо. - Дед Игнат уже в который раз поскреб ложкой дурно пахнущую консервную банку.

- Да там наверняка и сейчас уже мало чего осталось, а подождем еще - так вообще хрен чего там будет. - Егор посмотрел на Кольку: - Сгоняем?

- Я и город совсем не знаю. Да и нога вот еще болит, - Колька отвернулся.

- Славка?

- Да запросто. Только чего-нибудь теплого надо надыбать, а то Макарыч говорил - ветрюльник там и холодрыга.

Первым, приоткрыв толстую металлическую дверь служебного входа, вышел Егор. В промозгом сером сумраке жалобно завывающий ветер гнал обрывки бумаги, листья и другой мусор туда же, куда неслись низкие свинцовые облака, туда же, куда нужно было идти и им - в сторону центра.

- Хорошо. - Славик поднял ворот взятой напрокат у «метрошника» телеги, - хоть в рожу дуть не будет.

Подгоняемые в спину ветром, они трусцой побежали в сторону, где должно было находиться управление МЧС.

- Как думаешь, много схватим? - Славик прибавил ходу.

- Хрен его знает. Смотря чем и где шарахнули. Горело вокруг вроде немного. А вот ветер...

- Шарахнули наверняка по «Баррикадам» - там «Титан» «Тополя» и «Искандеры» делал, а это километрах в двадцати отсюда, в Краснооктябрьском районе. Ну и по в/ч в области где-то... - Они подбежали к четырехэтажному зданию с настезь открытыми входными дверьми.

- У-у, блин, - Славик пнул закрытую дверь.

- Погоди, - Егор поднял валявшуюся неподалеку фомку, - может, еще чего осталось.

На первых двух этажах они обнаружили лишь перевернутые столы, вываленные из шкафов горы макулатуры и опрокинутую оргтехнику. На третьем парни переоделись в эмчээсовскую форму и наполовину набили найденные здесь же рюкзаки картами Волгограда, Волгоградской области и России и всякой литературой и канцелярской хренью. На четвертом этаже все, кроме карт, пришлось выкинуть, чтобы в рюкзаки вместилось несколько дозиметров, пара лишних противогазов, какой-то то ли фильтр, то ли опреснитель для воды, бинокли, фонарики с запасными батарейками и прочая подобная мелочь. Но самым ценным - нетадоном [8] - они заполнили едва ли не половину здоровых армейских рюкзаков. Все это ребята нашли в трех, еще не взломанных до них, металлических шкафах.

- Интересно, почему их не взломали? - Славка привязывал поверх рюкзаков скрученные в трубочку костюмы не то противохимической, не то противорадиационной защиты.

- Наверное, не успели, - Егор показал на пулевые отверстия в двери и выбоины в стене. - И мы смываемся, сейчас только замерю, - он расчехлил дозиметр.

- Сколько?

- Восемьдесят рентген у окна, в шкафах пятнадцать.

– Значит, шмотки «чистые». – Они вышли из комнаты и побежали вниз по лестнице.

Когда ребята подходили к «Ельшанке», принесенный ветром звук длинной автоматной очереди заставил их плюхнуться в образовавшуюся у бордюра кучу мусора. И вовремя! Из-за угла павильона выскочила девушка, за ней парень. Его тут же срезала следующая очередь.

– Патронов у них немерено. – Егор и Славик уже отползали за деревья, когда, догнав девушку, двое в камуфляже потащили ее за волосы обратно в павильон «Ельшанки».

– Что будем делать? – Славик сел, прислоняясь спиной к столбу с оборванными проводами.

– Избавимся от лишнего барахла. Оно теперь им, – Егор кивнул в сторону станции метро, – не понадобится. Потом пойдем в район, где фонит поменьше, найдем жратвы, залезем в дом и переночуем. А дальше видно будет.

Изучив карту, они решили идти в направлении Кировского района и дальше. Часть улицы Льва Толстого и Электроресовую прошли в быстром темпе, постоянно оглядываясь, будто ждали выстрела в спину. При выходе из зеленой зоны из-за Славика стали идти медленнее, а на Университетском проспекте он, сорвав противогаз, рухнул на жухлую газонную траву.

– Надень, наберешься. – Егор, сбросив рюкзак, достал упаковку с нетадоном.

– Слушай, Егор. Здесь написано, что он действует трое суток, а здесь уже меньше пятидесяти рентген, – Славик поморщился от укола. – Давай в Кировском заночуем.

– Здесь меньше пятидесяти, а дальше больше ста. Хрен его знает, как облако шло. – Егор сделал укол и себе.

– Я в этих взрывах не разбираюсь, но слышал, что бывают воздушные, при которых гриба и облака с осадками не бывает. – Славик натянул противогаз.

Через час они подходили к супермаркету на Кирова, пополнив перед этим запас лекарств в аптеке № 20, на которую они вышли со стороны улицы Никитина. Как и следовало ожидать, в зале магазина все было перевернуто. Неразграбленное безнадежно испорчено.

- Сверху сливки, снизу плутоний, - Егор пнул ногой коробку с йогуртами.

- Это уже пятый магазин, и все то же са... - Славик, поскользнувшись на залитом сметаной полу, завалился на полки со вздувшимися пакетами кефира и молока.

- Гляди, - сидя на полу, он показывал пальцем трясущемуся от смеха Егору на открывшийся за рухнувшими молочно-кефирными штабелями двустворчатый люк в полу.

Им предстояла нелегкая задача - оставить в правильной пропорции продукты, лекарства, снаряжение в том количестве, которое они смогут унести. Но еще сложнее было решить, что делать дальше? Куда идти? После того как случилось ЭТО, обычные, мирные люди разделились на тех, кто «успел», и тех, кто «не успел». «Не успевших» было больше, они были озлоблены на тех, других. Перевес был на их стороне. Они первыми добрались до продуктовых запасов и армейских складов. Но их число сокращалось, они умирали. «Успевших» тоже становилось все меньше - таких убивали, зачищая от них немногочисленные бомбоубежища. Держалось только метро. Неделю. До сегодняшнего дня. По крайней мере «Ельшанку» точно вырезали.

- Знаешь, мы пойдём в Москву, - Егор ложкой мешал кашу, булькающую на костре, разведенном здесь же, в подвале. - Тут нас точно грохнут рано или поздно, а там, может, какая-то власть сохранилась, да и родные вдруг живы?

- Так не дойдем, оружие надо. - Славик уплетал один за другим крекеры.

- По дороге поищем. А что, сидеть и ждать, пока эти «зомби» нас найдут?

- Куда двинем? - Они развернули карту.

Пока решили выбираться по западной окраине Советского района Волгограда, через Городищенский район, к Гумраку, к трассе E-119 М6.

– Давай посмотрим, что в МЧС натырили. – Славик подтянул к себе рюкзак. – Та-а-ак. «Фильтрующий противогаз ГП-27(27В) предназначен для защиты органов дыхания, лица и глаз человека от...» Понятно. «Прибор ДБГ – 34Т измеряет мощность эквивалентной и экспозиционной дозы фонового излучения. Прибор позволяет проводить контроль при наличии фонового нейтронного излучения...», «Прибор МГК – 05 предназначен для измерения эквивалентной дозы и мощности эквивалентной дозы непрерывного рентгеновского и гамма-излучения, а также потока бета-частиц. Характеристики – профессиональный многофункциональный компактный дозиметр для контроля радиационной обстановки с автономным и стационарным питанием...», «Комплект индивидуальных дозиметров ИД-6... В состав комплекта входят: 10 дозиметров ИД-6; зарядное устройство ЗД-24; футляр со штативом на 10 гнезд; техническая документация... Зарядка дозиметров производится от зарядного устройства ЗД-24. Принцип работы зарядного устройства основан на следующем: при вращении ручки по часовой стрелке рычажный механизм создает давление на пьезоэлементы...». Слушай, давай эти ИД-6 оставим. Ручку крутишь, они заряжаются и электричества не надо.

– Хорошо, а патроны от противогазов все возьмем. У этих, гражданских, их только на шесть часов хватает. Это тебе не армейские.

– Дежурю первый. – Славик достал нож, взятый из хозяйственного отдела супермаркета. Какое-никакое оружие.

Второй раз смененный за ночь, Егор уже проваливался в бездонную темноту сна, когда его товарищ по несчастью растолкал его, прижав указательный палец к губам. Скрипнула дверца люка.

– Да куда тебе еще, твою мать. Не унесем больше, – неприятный каркающий голос донесся откуда-то издалека.

– Да? Ладно. И хрен с ним. Ну, на всякий... – ответили совсем рядом с люком, и по металлическим ступенькам запрыгало... Звяк, звяк.

– Ложись! – Ребята бросились на пол.

4.09.2026 г. Москва. Нижний вестибюль станции метро «Цветной бульвар»

Сокол обвел взглядом нижний вестибюль «Цветного бульвара». Мрачные, растерянные лица резко контрастировали с веселенькими цветными панно из «прошлой» жизни. Скворцова не было видно. Он и не рассчитывал обнаружить его здесь. Наверняка академик уже шагает по тоннелю. Вот только в какую сторону? Апатия овладевала Соколом. ОНИ подставили его под УДАР, бросили здесь подышать. Но в глубине души он рассчитывал вернуться. Куда? Как? Он не знал, но вернуться, не выполнив последнего задания, Сокол не мог.

«Академик из Сибири на восток и пойдет. – Сокол спрыгнул на пути у правого тоннеля к «Чеховской». – Самая длинная, не выходящая на поверхность линия – желтая. По кольцу он не пойдет – по сиреневой корочке. Но если даже и по кольцу, перехвачу на «Марксистской». – Он обошел встретившийся через сто метров поезд, продвигаясь почти на ощупь. Как там? «Найти черную кошку в темной комнате...»

– Давай сыграем, – вывел его из задумчивого состояния голос, обладатель которого размахивал перед носом Сокола шахматной доской, громяя ее как погремушкой.

– На кону вечный бой... Бесцветная мгла знает все ходы... поторопись и ты, не успеешь...

Попятившись от завывающего «шахматиста», Сокол достал нож.

– Не стоит, он безобидный, – на пальцы, сжимающие рукоятку, легла ладонь. – Спецназ?

– Бывший, – он, отметив за спиной «любопытного филантропа» еще двоих, убрал правой рукой свой «НРС-8» в ножны, одновременно засовывая левой под подкладку только что свинченный глушитель от «беретты».

– Бывшей спецуры не бывает, – филантроп хлопнул его по плечу. – На «Полянку» идешь?

– А что?

– Осторожный! Мы там все договорились встретиться, если ЭТО, – филантроп вздохнул, – произойдет. Ты не знал?

– Сами мы не местные, – попытался отшутиться Сокол.

– Откуда?

– Из Питера. – Он освежил в памяти свою «легенду».

– Пойдешь с нами, – то ли приказал, то ли спросил филантроп.

Сокол задумался. С одной стороны, рушились его оперативные планы, с другой – где гарантия, что академик пошел к «Новогиреево»? А пребывание среди спецназовцев давало необходимую мобильность, прикрытие и легальное ношение оружия. Хотя оружие, как он подозревал, скоро легально носить будут все.

– Пошли.

4.09.2026 г. Москва. Вентиляционная камера в районе станции метро «Авиамоторная»

Андрей открыл глаза. Тихо и темно. Он щелкнул зажигалкой, осветив ею гермодверь.

– Надо же, – дую на обожженные пальцы левой руки, правой он нажал какой-то выключатель, замеченный им справа от двери. Аварийная лампочка освещала только пятачок между двумя агрегатами. Со всех сторон, куда не проникали ее лучи, будто беря его в клещи, медленно надвигалась тьма. Андрей почувствовал себя одиноким и беззащитным. Толща земли над головой, казалось, вот-вот раздавит его. Быть может, он – единственный, кому удалось выжить... Пока.

В углу что-то промелькнуло.

– А-а-а, – не выдержав напряжения, Андрей швырнул в ту сторону попавшийся под руку камень и в отчаянии рванул гермодверь за ручку. Ее ржавая туша неожиданно легко, хоть и со скрипом, поддалась, открывая перед ним слабо освещенный проход между парой воздухозаборных решеток, стоящих за этими агрегатами неизвестного назначения. Далее, уже совсем еле различимый, виднелся угол поворота горизонтальной шахты.

Андрей, потянув за небольшой штурвал, закрыл за собой гермодверь. Он повернул штурвал два раза и, перехватив поудобней топор, двинулся вперед. За поворотом был довольно длинный тоннель все из тех же небольших тьюбингов, что и сама вентшахта, заканчивающийся небольшим лазом, забранным в решетку из толстой арматуры, с которой Андрею пришлось изрядно повозиться.

Расправившись с упрямой металлоконструкцией, он нырнул в лаз. По спине пробежал холодок. Ноги предательски подогнулись. Он находился в середине тоннеля между станциями. Несмотря на то что Андрей догадывался, что поезда встали, как и вентиляторы, или что там из себя представляли эти цилиндрические агрегаты, ощущение того, что сейчас из-за поворота выскочит поезд, не покидало его. Он повернулся направо, неуверенно пошел, держась ближе к кабелям. Андрей двигался медленно, с остановками, во время которых давал остывать зажигалке.

– Черт, – он больно ударился локтем обожженной пять минут назад выброшенной зажигалкой руки. Вытянув ладони вперед, Андрей нащупал холодный металл головного вагона.

Часы у него были обычные, без подсветки. Поэтому Андрей не знал, сколько времени он шел. Поезд остался далеко позади. Сильно болела ушибленная нога. Он собирался уже сесть прямо на рельсы, когда впереди забрезжил свет.

18.09.2026 г. Башкирия.

20 километров западнее пос. Кулмас.

Шедшая впереди колонны ИМР-6М [9] , поведя пулеметами, остановилась, дожидаясь БМПТ-3 [10] , в которой Волохов, прикинувший к тепловизору, внимательно изучал окрестности.

Теперь впереди шла инженерная машина разграждения с двумя мощными ножами-трапами. За ней БМПТ-3. За то, что она была напичкана ракетно-гранатометно-пулеметными комплексами, ее называли комбайном по убийству живой силы, или «Терминатор-4».

Потом шла уцелевшая БМП-4 [11] . На пересеченной местности и в городской черте колонна останавливалась, и вперед выдвигалась пешая разведгруппа. Четверо из оставшихся шестнадцати человек уже побывали в разведке, и с учетом того, что местность была все еще сильно заражена, а нетадон можно колоть только раз в два месяца, скоро пешая «прогулочка» предстояла и ему. А ведь еще нужно сделать вылазку за соляжкой – бээмпэшка с топливом накрылась медным тазом, и оставшегося им хватит километров на четыреста пятьдесят.

Они изменили тактику, после того как потеряли две единицы бронетехники из пяти. Дорого обошлась им самоуверенность. Уже через десять километров от Белорецка, возле Азикеево, они были обстреляны неизвестными из легкого стрелкового оружия. Потом мост через малый Инзер взлетел на воздух, увлекая за собой «Т-95» [12] . А БМП-4 сгорела перед Кулмасом. Два эрпэгэшника, засевшие в придорожных развалинах, были сметены термитными гранатами с обоих комплексов волоховского БМПТ-3. Но потерять десять процентов личного состава и почти половину бронетехники уже через сто пятьдесят километров от Убежища, было невыносимо. Они были готовы к чему угодно, но такое... Волохов был подавлен. Причем не столько тем, что потерял технику и людей, сколько тем, что он увидел за пределами Убежища. Нет, конечно, он не ожидал увидеть безоблачное синее небо над сверкающими белизной домиками, разбросанными тут и там, среди изумрудных полей. Нет, все как по учебнику: шквальный ветер гнал низкие свинцовые облака, роняющие кислотно-фонящий снего-дождь на мутные потоки рек и ошестинившиеся объявленными штырями берез роши. Косяки бумажного мусора и какого-то обгоревшего тряпья кочевали не только на юг, а запеченные прямо на грядках и ветках плоды так никогда и не будут сняты. Другой урожай собирала «ядерная осень», пройдясь световым, ударным, тепловым и нейтронным гребешками своей дьявольской жнейки. Это те, кого не коснулась эта страшная «жатва», кого в первые дни не «окучила» в подвалах ударная волна, не сожгла, как дачники сжигают сорную траву, световая, не «скосила» нейтроны и гамма-лучи, продолжали «молотить» друг друга своими

«молотилками» разного калибра, подсекать друг друга «серпами» кинжалов, финок и кортиков, за кусок незараженного хлеба, за глоток чистой воды, за место под «солнцем» аварийной лампочки бункера. Но и большинство из них, не задумываясь об этом, «зрели», подобно дарам природы поздних сортов, чтобы потом, через недели или месяцы, все равно, корчась в судорогах лучевой болезни, упасть к ногам этой «ядерной осени».

Принявший на себя всю ту ненависть «уцелевших» за месяц, минувший с ТОГО МОМЕНТА, Волохов никак не мог отмахнуться от стоявшего перед глазами видения: тощие, с бледной, покрытой язвами кожей, в клочьях, бывших когда-то летней, одежды, с воспаленными красными глазами люди копошатся в развалинах и, как по команде, обернувшись на урчание их моторов, начинают швырять в колонну камнями, изрыгая неслышные бойцам проклятия. А одна женщина с растрепанными волосами, подняв высоко над головой мертвое тело годовалого ребенка, бросает его на броню волоховского БМПТ.

4.09.2026 г. Москва.

Тоннель в районе станции метро «Цветной бульвар»

Первым желанием Скворцова, после того как его глаза привыкли к полумраку, было броситься бежать дальше куда глаза глядят. Он так и сделал. Пробежав метров триста по темному тоннелю, как потом оказалось, в сторону «Менделеевской», академик наткнулся на стоящий темной машиной поезд. Задышавшись, он прислонился к прохладному металлу вагона. Ему все равно. Он устал. Устал чувствовать себя зайцем, на которого охотятся уже третий день. У него уже было столько возможностей погибнуть... Сейчас или позже – какая разница. Нахлынувшая усталость приглушила и без того уже мизерное чувство опасности. Скворцов сполз на холодный бетон.

– Что нам делать? – Детский голос из вагона вывел его из оцепенения.

– Наверное, надо идти на станцию, – неуверенно ответили ему.

– Страшно!

– Здесь тоже страшно, – из проема открытых автоматических дверей высунулась девчачья голова.

– Гош, пойдем.

– Осторожно, здесь высоко. – Скворцов вытянул в сторону девочки руку, пытаясь не дать той упасть.

– Кто вы?

– Не бойтесь, я не кусаюсь. А вы здесь как одни оказались?

– Мы с дядей Сашей в цирк ехали, а потом свет погас, поезд остановился, и дядя Саша куда-то потерялся.

«Ага, «потерялся», – подумал Скворцов. – Сбежал, сволочь». И уже вслух:

– Ну, пошли на станцию вашего дядю искать.

Дядю они так и не нашли. Видимо, человек он энергичный, далеко убежал, и забота о Маше и Гоше (так звали его новых знакомых) помогла Скворцову в первые дни не сойти с ума от всего пережитого.

Как говорил начальник станции «Цветной бульвар», он же начальник местного штаба ГО: «Чтобы у людей не поехала крыша – их надо чем-то занять».

Вот и занимались все – кто чем. Одни бесцельно блуждали, изучая бесчисленные служебные и технические помещения, другие проводили время в разговорах о том, «кто виноват» и «что делать».

Скворцов, тоже сначала вдоволь наговорившись, отправился осматривать окрестности с пареньком из персонала метро, с которым познакомился на второй день. Он узнал, что, помимо самой станции и двух тоннелей в районе «Цветного», существует еще масса тупиков, «отводных» и «опорных» тоннелей, рабочих стволов и подходов к ним, созданных при строительстве станции, а также тоннельно-дренажные камеры (ТДК), санузлы, венткамеры, пункты

технического обслуживания поездов (ПТО) и многое другое.

Потом он присоединился к людям, которые занимались «хозяйственными» делами: таскали воду из скважины, заготавливали «дрова» из всего, что может гореть, в промежутках попивая так называемый «чай», получивший название «цветной», а попросту кипяток, который, он не сомневался, где-то был и чаем «По-павелецки» и «По-ясеневски». Словом, шевелился. Но в эти первые три голодных дня были и такие, кто не разделял оптимизма Скворцова. Оставив попытки сначала уговорить, а потом заставить начальника станции открыть гермодвери и выпустить их наружу, они ушли по тоннелю, в надежде просочиться где-нибудь на поверхность. Таких было довольно-таки много. К концу третьего дня ушло больше половины. Может, кому-то из них и удалось выбраться, судя по тому, что Скворцов потом увидел – к их несчастью.

8.09.2026 г. Волгоград. Ул. Кирова, д. 20.

Что-то тяжелое не давало ему шелохнуться. После нескольких безуспешных попыток он нащупал свободной рукой ножку то ли стола, то ли шкафа. Рывок – и это «что-то» подъехало к нему. Стол. Егор вытянул руку сильнее и нащупал изогнутую буквой «и» трубу радиатора отопления. Еще рывок, еще, и медленно, но верно, ему удалось освободить сначала вторую руку, а затем и все остальное. Отдышавшись, он ощупал себя. Вспоротые на плече костюм химзащиты и свитер слиплись от запекшейся крови. Егор, не сразу найдя свой рюкзак, достал из него фонарик. Луч, разрезав пыльную темень подвала, выхватил чуть не похоронившую его под собой металлическую машину стеллажа и отразился в мертвых глазах паренька, уже успевшего стать его другом. Наскоро перевязав себя, Егор взял из рюкзака Славика только несколько дополнительных патронов к противогазу, нож и пару консервных банок и поднялся вверх.

Сверившись с картой, он двинулся в сторону Гумрака по окраине Волгограда. Бесконечная завеса из облаков, как разведчика укрывшая солнце, не позволяла определить время суток. Часы на мобильном показывали 9:17. Егор продвигался медленно. И так маленькие, да еще и запотевающие, окуляры противогаза ограничивали обзор волгоградской «зеленки». Внутри него росло, поскребывая, будто ногтем по стеклу, тоскливое чувство уязвимости.

Да, безоружному здесь делать нечего. Но где же его взять-то, оружие? Ему – москвичу – в Волгограде? Да и все оружейные магазины и арсеналы в/ч наверняка уже оприходовали вчерашние ночные «гости».

На улице Рутковского Егору пришлось сорок минут пролежать в канаве мордой в грязь, пока мародеры грузили на «Урал» извлеченную из утробы ресторана провизию. А ближе к вечеру, когда он раздумывал, где б ему переночевать, минуя погнутый дорожный указатель с обугленной надписью «Кр. Пахарь», по нему саданули из «калаша». Хорошо, издалека. Наверное, для острастки. Скатившийся со страху кубарем в кювет, Егор опять отметил для себя немереное количество патронов у этих отморожков. Уже затемно он набрел на какой-то подвальчик, спрятавшийся в торце двухэтажного дома, со стороны внутреннего двора. Долго возился с замком и, наконец, одолев ржавый механизм, зашел в пахнувшее затхлостью пристанище крыс и тараканов. И удачно так зашел. Пнув ногой подвернувшееся мерзкое животное, которое с писком бросилось прочь, и матюкнувшись про себя, Егор сделал это еще раз, но уже от радостного удивления, когда луч его фонарика уперся в штабеля из коробок с «Кэмелом», «Данхилом» и «Мальборо». Еще бы, мрачная перспектива стать трезвенником-язвенником, бросившим еще и курить, его не прельщала. А не курил он уже пятый день. Это было тяжело. Кто знает, тот поймет. Вообще-то Егор курил только «Яву», но дареному коню...

Проверив, не фонит ли его драгоценная находка, он с дозиметром в руках обошел весь небольшой подвальчик, не обнаружив больше ничего полезного. Видимо, это был или склад или перевалочная база местного табачного бонзы. Запершись на засов и наскоро перекусив разогретыми на эмчээсовском патроне-горелке консервами, он весь оставшийся вечер потрошил импортное курице и плотно утрамбовывал табачное ассорти в вещмешок, переделанный из чехла из-под какого-то прибора. Покачав за ляжку довольно увесистый переносной вариант табачного ларька, Егор, довольный собой, устроился в углу за нагроможденными коробками из-под сигарет и впервые за несколько дней безмятежно заснул.

8.09.2026 г. Москва.

Станция метро «Авиамоторная»

В отличие от «Площади Ильича», с «Авиамоторной» не ушел никто. Хлебная и продуктовые палатки, так удачно оказавшиеся в пределах пространства, отсеченного от внешнего мира гермозатворами, а также кое-какие продукты, прихваченные с собой торговцами с Лефортовского рынка, позволили протянуть «местному населению» до той поры, когда стало можно относительно безопасно для здоровья совершать вылазки наверх. Правда, это касалось только радиации.

Вообще к азербайджанцам, составляющим подавляющее большинство торговцев, даже после добровольно-принудительного изъятия продуктов относились хорошо. По крайней мере до тех пор, пока эти продукты не кончились. Что было для них, привыкших к другим реалиям, сильно непривычно. У «авиамоторцев» даже спустя пять дней все еще был хоть и бледный, но настоящий чай, а в рационе станционных спецслужб еще и кофе. Куда девались все подарки судьбы на «Ильича»? Неизвестно. Только те, первые беженцы оттуда, которых еще пустили, рассказывали, что еды там не стало уже на второй день. И это при том, что и народу там было меньше, и на одну продуктовую палатку больше.

Первая группа поисковиков, все те же Сергеев и Епифанов, уже знакомым маршрутом вышли к машинному залу, но, пройдя по коридору, уже не стали подниматься в вестибюль с турникетами, а двинулись дальше по коридору и, проникнув сначала через маленькое помещенье с гермодверями в комнатку, похожую на дворницкую, заставленную метлами, скребками и лопатами, вышли через обычную дверь в переход, прямо к внешней стороне гермозатвора. Стараясь не смотреть на начинающие вздуваться трупы, обосновавшиеся повсюду – и у «гермы», и на ступенях, Епифанов передернул плечами.

– Не сцы, – у Сергеева у самого подкатил ком к горлу, – прорвемся. – Они поднялись по ступенькам и, пробираясь через вереницу врезавшихся друг в друга автомашин, двинулись в сторону «Калининского» парка. Вход в него был перегорожен «сошедшей с курса» фурой, из которой со стороны водителя свешивалось его, этого водителя, тело. Над самой фурой, было видно, уже «поработали» мародеры. Повсюду валялись разорванные коробки из-под когда-то свежемороженой рыбы. Хорошо, противогазы мешали «насладиться» ароматом ее остатков.

– Да. Чует моя задница, хрен мы чего на этом рынке найдем, – Епифанов поправил автомат на плече. – Какие будут указания, командир?

– Прошвырнемся по палаткам, а там посмотрим, – Сергеев почесал резиновый затылок.

Как и ожидалось, ничего, кроме разгромленных ларьков, в которых вперемешку с остатками продуктов валялись граждане, как говорится, с признаками насильственной смерти, они не обнаружили. Зато обнаружили их.

– Да. Жарковато тут было, – Епифанов в который уже раз хотел сплюнуть, что в противогазе в принципе делать не рекомендуется. – Средние века.

– Сейчас еще жарче будет, – лейтенант кивнул в сторону вооруженной дрекольем толпы, которая неслась, перепрыгивая через поваленные прилавки, под полуразрушенной крышей крытой части рынка. Путь назад тоже был отрезан вторым отрядом «московских гуннов», и они рванули по единственно возможному пути – в сторону когда-то красивого, похожего на зеленый бочонок пива, а теперь всего ошестинившегося зеленоватыми зубьями осколков здания администрации ЮВАО. Бежать в полной амуниции было нелегко, и расстояние между поисковиками и их преследователями стремительно сокращалось. Вперед из толпы выдвинулся высокий брюнет с развевающейся на ветру длинной шевелюрой и метнул в беглецов заостренной арматурой, бывшей, наверное, когда-то частью ограды. Самопальное копье пролетело в каких-то сантиметрах от Сергеева и, раскрошив лобовое стекло «Тойоты», воткнулось в спинку переднего сиденья. Не став ждать более удачной попытки уже вооружившегося новой арматуриной новоявленного Атиллы, лейтенант развернулся и, переведя «калашников» в режим одиночного огня, между двумя тяжелыми вздохами, нажал на спусковой крючок. Пуля, прошив грудь вождя рядом с почему-то надетым на голое тело галстуком (наверное, символом его неограниченной власти), задела еще кого-то.

– Получил «интеллигент вшивый». – Сергеев развернулся и бросился бежать, не дожидаясь аплодисментов восхищенной публики.

Толпа на секунду-другую приостановилась и с яростным ревом устремилась за ними.

Они с Епифановым уже подбегали к зданию администрации, когда «новые варвары» предъявили аргумент посерьезнее куска забора. Но первым выстрелом из охотничьей двустволки они лишь выбили крошку из стены над головами

поисковиков, а звук второго те слушали, уже стоя в простенке первого этажа.

- Слышь, Епифаныч, они, похоже, нас уже ждали, - Сергеев никак не мог отдышаться. - Грамотно так на этих с ружьем гнали. Малость не рассчитали.

- Ага. Свежатинки им захотелось, видать. Тухлятина пятидневная не устраивает.

- Не. До людоедства, думаю, еще не дошло. Зуб у них на нас, «подземных», имеется. За то, что успели. - За окном опять бухнуло.

- Лохи, - Епифанов махнул рукой.

- Пошли отсюда, пока эти «лохи» не покромсали нас на «бифштексы из молодых бычков», - Сергеев, хрустя битым стеклом, двинулся к коридору. И вовремя. В стену, рядом с тем местом, где он только что стоял, ударилось нечто, напоминающее «коктейль Молотова». Вокруг все запылало. Побежав по коридору, они выбрали единственно верный путь - вниз по лестнице, за железную дверь подвала, которая, слоноподобно взвывая ржавыми петлями, закрылась за ними, разрубив пополам последний лучик света. Епифанов зажег полчасовой химфонарь ХИС-30.

- «Ну и рожа у тебя, Шарапов», - Сергеев ткнул в бок напарника, который, отдуваясь, снимал противогаз, - в темноте светится. И фонаря не надо.

- На себя посмотри. Куда дальше?

- Туда, - лейтенант показал на приоткрытую дверь, за которой виднелись кухонные принадлежности. - Может, пожрать чего найдем.

И они нашли. Войдя через дверь, оказавшуюся потом аварийным выходом из подсобок столовой администрации, и убедившись в небольшом количестве рентген в округе, они принялись набивать рюкзаки «долгоиграющими» продуктами.

- Зря противогазы сняли, - поморщился от вони Сергеев.

– Ты как знаешь, а я в этом наморднике просто охреневаю. Уж лучше так. – Епифанов отшвырнул вздувшуюся банку с горошком.

– Тут человек пятнадцать-двадцать надо, чтоб вынести все. Вот Борисов будет рад.

– Погоди. До него еще нужно добраться.

– А чего? До ночи досидим, а там в темноте рванем, – Епифанов терзал очерстневшую в камень булочку.

– А у меня другое предложение, – лейтенант поднялся. – Сейчас спустимся ниже. Видел на лестнице, там еще два этажа вниз? И по каким-нибудь коллекторам смоемся.

Они блуждали по подземным коммуникациям уже полтора часа. Сергеев время от времени подсвечивал химическим фонарем дозиметр, вшитый в рукав бушлата.

– Этот поворот тоже занеси, – сержант в который раз поднес фонарь к планшету с нарисованным планом подземелья.

– Да на кой че... Ого! – Епифанов уставился на штурвал гермодвери и в ту же секунду растянулся на бетонном полу, споткнувшись обо что-то мягкое. Луч фонаря скользнул по забрызганной кровью рубашке и галстуку и остановился на том, что еще дней пять назад было лицом тутошнего клерка. Рядом лежала девушка.

– Я ее помню. Каждый день мимо меня проходила. Я все никак не решался познакомиться, – Епифанов с размаху ударил кулаком в стеклянную поверхность с надписью «ПК». Один из осколков полоснул по ладони не подающей признаков жизни девушки. Она застонала. Пока Епифанов приводил в чувство воскресшую, Сергеев попытался открыть гермодверь. Штурвал не поддавался. Обыскав убиенного клерка, он нашел план здания администрации, где на втором подземном уровне была обозначена и эта гермуха.

– Наверное, этот, – он направил фонарик в сторону трупа, – привел народ сюда, а как открыть, не знал – вот его и порешили. Может, даже этот Атилла недоделанный постарался.

– Поверху мы ее живой не донесем. Надо герму как-то открывать, – Сергеев снова налег на штурвал.

– Как ее откроешь-то? Наверняка с той стороны закрыта.

– Давай вдвоем попробуем – может, просто заржавела? – лейтенант, подойдя к пожарному щиту, потянул на себя металлический топорик, висящий внутри щита на двух скобах.

– Ого! – они уставились на панель с какими-то кнопками, которая оказалась под дверцей с ручкой-топориком. Нажав на кнопку «пуск», Сергеев наблюдал, как плавно пошла в сторону мощная гермодверь, а Епифанов, уже взвалив на плечо узницу подземелья, заносил ее в открывшуюся шлюзовую камеру.

19.09.2026 г. Башкирия. 15 километров южнее с. Константиновка

Через ноктовизор Волохов наблюдал, как разведгруппа удаляется в сторону очередной военной части. Это была уже четвертая в/ч на их пути. Первые две были разграблены до основания, как и пара автобаз, а на подходе к третьей по ним открыли такой шквальный огонь, что возникшую арифметическую задачу (сколько боеприпасов нужно потратить, чтобы, может быть, добыть столько-то литров горючки) Волохов решил однозначно: «На фиг!» Он даже не злился на этих, из сто двадцать первой мотострелковой. Слишком свежи были воспоминания о том, что произошло с одним из бункеров пусковых комплексов противоракетной обороны их Убежища.

Через несколько часов после УДАРА на связь не вышли два из восьми ПК ПРО Убежища. Их все-таки накрыло. Досталось и самому Убежищу. Несмотря на трехсотметровую глубину, после прямого попадания в результате тектонических подвижек были повреждены подземные резервуары с топливом. Авиационный керосин вытек весь, а дизтоплива осталась 2/5. Поэтому семь «МиГ-37» [13],

девять «Ми-32» [14] , пять «К-72» не стали даже расконсервировать, а из очень даже приличного парка бронетехники и автотранспорта подготовили около двадцати машин, в основном для эвакуации уцелевших в ПК ПРО и для рейдов по добыче горючки. Через пять дней, когда уже было принято решение об эвакуации, не вышел на связь еще один бункер ПК ПРО. К нему и отправился Волохов.

Открытая настежь массивная бронированная дверь сразу дала понять: что-то произошло.

То, что бой был коротким, но жестоким, Волохову было ясно из положения тел и количества трупов нападавших. По восемь на каждого защитника бункера. И это при том, что нападение было внезапным.

Не найдя никого живого ни в командном пункте, ни в жилых отсеках, Волохов и еще два бойца вошли в хозблок. Кровавая цепочка следов босых ног вела к закрытой двери подсобки. На стук и призывы открыть никто не реагировал.

– Совсем ты мне аккумулятор посадишь, – ныл водитель, пока один из бойцов орудовал резаком, вскрывая металлическую дверь подсобки.

Через пятнадцать минут Волохов уже читал записку, накарбанную слабеющей рукой лейтенанта Скоблякова. В ней тот успел написать о том, что на третий день капитан Ситников приказал открыть дверь просящим оказать медицинскую помощь местным жителям, и те, ворвавшись, открыли огонь из автоматов по не ожидавшему такого гарнизону.

«...я тяжело ранен в живот и скоро умру...» – почерк Скоблякова становился все неразборчивей. – «...и жалею о том, что никогда уже не увижу...» – записка обрывалась. Волохов, сжав кулаки, вышел в шлюзовую камеру.

11.09.2026 г. Волгоградская область, пос. Котлубань

Explorer на любой щелчок по строчке в «Избранном» выдавал: «Невозможно отобразить страницу». С мобильником – та же история. Егор откинулся на спинку переднего сиденья «Порше», обнаруженного им в гараже, под одним из коттеджей в Котлубани. Электронная начинка машины, стоявшей в подземном гараже, не сгорела от электромагнитного импульса. ЭМИ, образующийся в результате ядерного взрыва, развивает огромную мощность (100 000 МВт) за короткий промежуток времени и выводит из строя всю электронику, находящуюся на поверхности. Сюда же он не достал. Заведя автомобиль, Егор зарядил через прикуриватель сначала мобильник, а потом и ноутбук. Но лучше бы он этого не делал. Какая-то отчаянная тоска, нестерпимое чувство одиночества охватило Егора. Только теперь он ощутил, что весь привычный мир рухнул. Ни одна живая душа не выходила на связь. Теперь ни его познания в программировании, в экономике, в банковской сфере, ни вообще все его «неоконченное высшее» не имело значения. Важно было лишь то, насколько быстро ему удастся найти хоть какое-то оружие, на сколько хватит продуктов и патронов от противогАЗа.

Кстати, чем дальше он уходил на север от Волгограда, тем меньше становился фон. Очень соблазнительной была мысль сесть в «Порше» и рвануть по трассе, и гнать настолько далеко, насколько хватит бензина. Хрюкать противогАЗом откровенно задолбало. Но от мысли этой Егор отказался, вспомнив и то, как его обстреляли при выходе на шоссе, и разбросанные по всей трассе возле раскуроченных легковушек трупы тех, кто забыл: «Тише едешь (идешь), дальше будешь». Так что пойдет он дальше по целине, рошицами и овражками, заходя в поселки только для того, чтобы набрать воды или найти подвальчик для ночлега. Эх, еще бы ПНВ [15] найти. А то, не ровен час, наткнется в темноте на кого-нибудь вроде тех бандюганов, захвативших «Ельшанку», казавшуюся такой безопасной.

Егор вздохнул и, хлопнув дверцей «Порше», поднялся из гаража в дом, прихватив с собой маленький рюкзачок, набитый продуктами, найденными в хозяйском гараже. Внизу он обнаружил квашеную капусту, соленые огурцы и грибы, и что особенно порадовало – здоровенный окорок. Так что вчера вечером он устроил себе «праздник живота» и сегодня с утра чувствовал себя хреново.

Переступив через подоконник, Егор вышел через окно и, крадясь вдоль кустов, покинул гостеприимное подворье тем же путем, которым и пришел. Взобравшись по поленнице на двухметровый кирпичный забор, спрыгнул, стараясь не зацепиться за оборвавшуюся колючку, по которой взбирался вчера,

набросив на нее чехол от стоявшего неподалеку «Нисана». Перекатившись, он залег в малиннике. Выждав полчаса, Егор двинулся к опушке соснового бора, находящегося к северо-западу от Котлубани. Шикарные двух- и трехэтажные коттеджи и простенькие домики тарасились выбитыми глазницами окон, ветер дорывал афишу с анонсом концерта очередного клона известной столичной рок-группы «Крематорий», противно скрипел петушок-флюгер на проломленной андулиновой крыше небольшого местного аналога «Макдоналдса». Кругом ни души. Но Егору отчего-то казалось, что за ним кто-то наблюдает. Еще раз оглянувшись по сторонам, он ускорил шаг, чтобы быстрее покинуть это неприветливое место, которое сначала ему так понравилось.

14.09.2026 г. Москва.

Станция метро «Цветной бульвар»

– Да уж. Натерпелся ты, Евгенийч, дай боже, – начальник станции «Цветной бульвар» пододвинул упрямо отказывающемуся Скворцову кружку с настоящим чаем. – Пей, пей, я твоим ребятам еще отсыплю. Слава богу, наш поисковый отряд нас худо-бедно снабжает. Вчера вон на Первом Самотечном на продуктовый подвальчик с чистыми харчами наткнулись.

– «Наткнулись», – Скворцов отхлебнул дымящийся чай. – Я слышал, это гаишная заначка была. Теперь уж точно нашим наверху прохода не дадут.

– Да они и так не дают, после того как Гусаров со своей компанией у них из-под носа-то, из самого центрального здания гаишного, часть арсенала увел. Хотя благодаря этим «калашам» сейчас и держим их на расстоянии. Но все равно оружия маловато. Это хорошо, что ты про тот автомат-то вспомнил, Евгенийч. Сегодня каждый ствол, каждый патрон на счету. – Начальник дунул в «беломорину» и, сплющив ее бумажный мундштук, замер с поднесенной к папиросе горящей спичкой.

– А помочь-то я тебе помогу. Сейчас мужики вернутся, перекусят и кто-нить тя до «Авиамоторной» проводит. Там верховодит толковый мужик – морской офицер. Живут они, по нашим временам, очень даже неплохо. Так что с твоими Гошей и Машей тебе там полегче будет. Помощником на «Авиамоторной»

у Борисова этого, значит, мой старинный приятель. Думаю, он в твое положение войдет, и примут тебя там нормально, не сомневайся.

- Все байки рассказываешь, Петрович. - В дежурку ввалились усталые, но довольные поисковики.

- Ну, по вашим ромам вижу, что удачно, рассказывайте теперь вы свои байки.

- Да, Петрович, удачно. И автомат забрали, - Гусаров весело помахал «ПП-110», - и харчами разжились, и лекарств в стоматологическом университете прихватили кой-каких.

- Но-но-но-но-но-но. Ты мне, Гусаров, смотри, чтоб без наркоты.

- Да не бойсь, у-шеф. Все будет как надо - опись, протокол, сдал-принял, отпечатки пальцев, - закосил под актера Папанова Гусаров.

- А харчи откуда?

- Понимаешь, Петрович, эти гаишники бывшие то ли водку жрут все время, то ли совсем хреново им, только мышей совсем не ловят. Поначалу всех дикарей своими стволами распугали, а теперь затихарились совсем чего-то. Вот и получается, ни они, ни дикари по округе не шарятся, и харчи чистые в подвальчиках кое-где еще надыбать можно.

- Слушай, Евгений, - напарник Гусарова подмигнул Скворцову, - а по адресу твоему мы, кроме ствола, еще и жмурика нашли не первой свежести и с дырявой черепушкой.

- Это не ты случайно завалил его, академик? - хихикнул Гусаров. - Гляди, тихий такой, а туда же.

Скворцов побледнел. Значит, после него на Делегатской еще кто-то был и этого «кого-то», может быть, приняли за него и проломали голову.

- Когда пойдем? - Он встал, отодвинув пустую кружку.

– Ну, пока иди, собирайся, а через часик Гусаров вон к тебе подойдет. – Петрович дунул в очередную «беломорину».

– А «Беломора» нет, Петрович. Остались сигареты «Друг», – Гусаров заржал, протягивая начальнику блок сигарет «Капитан Блек».

– Екалэмэнэ, наслушаются фильмов и сыплют афоризмами. – Петрович поморщился, нюхая сигарету из распечатанной пачки. – А что, когда Севастьянов – наша ходячая фильмотека, тебе «Рэмбо» перескажет, пойдешь гаишников с двух рук мочить? Учти, у нас стока патронов нету. И вообще, что я с этой шоколадной гадостью делать буду? Ты б, Гусаров, еще бабских, тонких, притащил.

– Приспичит, Петрович, и солому курить будешь...

– Петрович, – в дежурку вошел один из его замов, – там к тебе из группы быстрого реагирования (ГБР) с «Полянки» пришли. Я их к тебе в кабинет отвел.

– Здравствуйте, здравствуйте, – Петрович был рад гэбээровцам – уж очень они помогли шугануть гаишников, когда те совсем было перекрыли кислород всем обитателям «Цветного бульвара», «Менделеевской», «Новослободской», «Трубной», «Достоевской» и «Площади Суворова».

– Разрешите представиться, – крепко сбитый, смуглый спецназовец протянул руку, – майор ГБР Виктор Борисович Соколов.

20.09.2026 г. Башкирия. 3 километра восточнее с. Асанова

Уже скрылась за горизонтом последняя дымящаяся крыша разоренного Асанова. Волохов в задумчивости глядел на дорогу. Даже если им удастся добыть солярки, с той скоростью, с которой они продвигались, в Москве их караван появится, самое раннее, через месяц. А ведь задача была поставлена, самое позднее – первого октября прибыть на место и следовать инструкциям подполковника Брунькова, который молчал как партизан и на все вопросы «что

дальше?» отвечал: «Потом узнаешь».

Он был уверен, что Катя с Еленой Сергеевной успели добраться до метро, но вот что там дальше? Дела в Москве творились непонятные. Еще до того, как накрылась связь, стало известно, что самолет с президентом, вылетающий из Сочи, уничтожен, а министр обороны отрезан на Дальнем Востоке, и всю ответственность за обороноспособность страны взял на себя начальник Генштаба. Затем из Раменок поступила туманная информация о том, что бразды управления выжившими взял в свои руки премьер-министр Сладков. В ответ на вопрос о характере и масштабах разрушений в Москве, об управляемости округами, о состоянии в стране вообще передавалось что-то вроде «выясняется», «над этим вопросом работают», и все в том же духе. После анализа сеансов радиосвязи с округами по всей стране стало ясно, что она представляет собой шахматную доску, с черными «клетками» изуродованных взрывами областей и белыми – мест, где не было стратегических объектов или куда не упали сбитые где-то раньше боеголовки баллистических ракет с мегатоннами смерти. Но ЭМИ, похоже, накрыл всю территорию от Калининграда до Находки. Ни одна наземная радиостанция не отвечала. Работали только малочисленные подземные.

Через две недели, под невнятные объяснения из Раменок об «экономии энергии», не вышел на связь бункер с командным комплексом РВСН [16] в Одинцово-10, а на следующий день пропала связь и с КП ЦУП военно-космическими силами в Голицыно-2.

Но Волохов подозревал, что вовсе не это было главной причиной их экспедиции.

– С одной стороны, ты мне нужен здесь, – генерал-майор Подомацкий задумчиво смотрел на карту, – сам понимаешь, работы у нас будет много. Нужно восполнить запасы топлива, взять под контроль комбинаты «Росрезерва», определиться с ближайшими в/ч – уж больно много там серьезных вещей на складах. Попади это в руки знающим людям, – Подомацкий откинулся на спинку кожаного кресла, – и у нас будут бо-о-ольшие проблемы с восстановлением порядка.

В кабинете командующего Убежищем повисла гнетущая тишина, разбавленная тиканьем доисторических настенных часов, которые перестали выпускать

задолго до начала строительства первой очереди этого Убежища.

«Нумизмат» или, как его там, «антиквар» наш генерал», – пронеслись в голове у Волохова несоответствующие серьезности момента мысли.

– То, что предстоит сделать тебе и твоим ребятам, майор, – слова Подомацкого вернули его к реальности, – одним словом, без этого вся наша возня здесь потеряет всякий смысл.

Генерал-майор опять подошел к карте и, нажав что-то на панели пульта, стал вычерчивать лазерной указкой маршрут на цветном полотне выехавшей карты европейской части России.

– Если все пройдет удачно, в Москве будете восемнадцатого-двадцатого. Крайний срок – первое октября, – Подомацкий, подойдя к столу, поднял трубку внутренней связи.

– Ну вот, транспорт готов, – и уже неожиданно мягко, каким-то потеплевшим тоном: – Понимаешь, Костя, все, кто вернется, выполнив задание, да и кто не вернется, мое мнение, достойны Героя России. Ну, давай. Полтора часа на сборы. Удачи.

– Герой, герой, – Волохов поправил бронешлем. Когда он шел на прием к Подомацкому, был готов минимум к неделе «губы», держа в уме тот звонок по мобильному Кате, от внешних ворот шахты грузового лифта авиационного ангара. Он тогда в нарушение всех инструкций и устава, узнав об УДАРЕ, бросился звонить жене. Подомацкому это, конечно, было известно. Не зря, провожая его, генерал-майор сказал: «Знаю, твоя жена в Москве и жива. Еще и поэтому едешь именно ты...» И вот теперь он – командир группы дальней разведки, майор Волохов, наматывает на гусеницы километры башкирских дорог, поднимая клубы радиоактивной пыли.

Уфу они обошли с юга, слишком высок там был уровень, но уже при въезде в Асаново радиация была более-менее в норме. Вот только само Асаново... Здесь, видимо, хорошо укрепились. Но штурмовавшие их, скорее всего те самые «знающие люди», применили те самые «серьезные вещи». Дымящиеся останки южной окраины Асаново, которые словно потоптал огнедышащий дракон

«Смерча» [17] , обдали жаром высунувшихся посмотреть на это разведчиков. А на месте базы по ремонту сельхозтехники, где Волохов рассчитывал раздобыть хоть немного горючки, они обнаружили лишь горы перемолотого бетона и кирпича. Здесь наверняка находился основной опорный пункт обороняющихся.

Отметив маркером еще пятнадцать километров, пройденных колонной сегодня, он высунулся из люка и махнул шедшей сзади бээмпэшке. Подбежал Назаренко.

– Все. Ночуем вон в той балке. Завтра свернем к Каптаево. Там авиаполк МЧС базировался. Может, повезет.

В проступающей белизне стволов березовой опушки с чудом уцелевшей листвой угадывалось наступающее утро. Шумевший в ушах нескончаемый ветер заглушал все звуки сентябрьского утреннего леса. В ту секунду, когда в углу монитора ПУ ПТУР 5:59 округлилось до 6:00, из ниоткуда возник запыхавшийся лейтенант Самарин.

– Ты что как на пожар? – Волохов неодобрительно посмотрел на бойца. – А если с ходу в бой, какой из тебя сейчас, на хрен, стрелок?

– Да их прям щас надо брать, тепленькими, товарищ майор. Двоих на КПП, сонных, мы уже сняли, а еще один по северной стене ходит – с ним вообще без проблем.

– Сняли?

– Да глушанули только, товарищ майор.

– У-у, гляди у меня, – Волохов погрозил кулаком.

Подсеченный горе-часовой, упав со стены на спину, не то что вскрикнуть, заговорить-то смог только через пять минут, восстановив сбитое дыхание. А заговорив, сообщил, как и что, и через полчаса Волохов уже пил какой-то морковный чай с полковником МЧС Селезевым, в который раз извиняясь за его «слегка помятых» подчиненных.

– Как же так, полковник? Не поверю, что не знаешь, что вокруг творится.

– Знать-то знаю, но что я могу сделать-то? У нас на сорок человек – восемнадцать стволов, из которых всего семь «калашей», да и те «укороты». Чуть что, прячемся в бункере.

– Ну, так «чуть что» не спрятались же! Нет. Или охрану периметра организуй нормально, или носа из бункера не высовывай. Ну ладно, подскажу тебе, как и что, и «Курган» [18] с Т-95 оставляю в обмен на соляру. Мои ребята помогут установить его куда надо, пристрелять... Хотя, судя по тому, что в Асаново видели, «Курган» тебе может не пригодиться.

– А что там?

Волохов только махнул рукой.

– Понятно. «Больше в деревне никто не живет...»

– Керосина тут у тебя, полковник, завались, – глядя на кислую физиономию Селезнева, он решил сменить тему, – только мне он без надобности. – Майор сделал на карте пометку с комментарием. – А вот раз у ваших «УАЗов», «Уралов» и прочих вездеходов вся электрика погорела, то всю горючку я забираю.

Неожиданно в полковнике МЧС обнаружилась деловая жилка:

– Несколько сотен литров солярки за один «Курган»? Давай ты мне два «Кургана» и один гранатомет, а я тебе половину горючки и харчей.

– Ну ты и жук. Чувствую, скоро здесь будет филиал Черкизовского рынка. Нет. «Курган» и «Пламя» мне нужны самому. Нам еще до Москвы пробиваться. Да и харчи себе оставь, – он с сомнением посмотрел на чай неопределенного цвета и запаха. – Уж с этим у нас в дороге проблем не намечается, – Волохов подошел к окну. – А насчет солярки уговорил, оставляю тебе даже больше половины. Передумал я, как бомбу на колесах, заправщик за собой таскать. Любой дедок с берданкой нам большой «бум» устроит, – он стряхнул пепел в уцелевший горшок, черноземное содержимое которого, вперемешку с битым стеклом, хрустело под ногами.

– Кстати, и «калашами» можешь вооружить свое войско. Километра два налево по трассе, в кювете «ЗИЛ» лежит перевернутый. Там этого добра полно. Армейские, с подствольниками и причиндалы к ним. – И, уже выходя. – Да, водилу и еще одного там похорони. Нам некогда было, к тебе торопились.

Селезнев, казалось, отсутствовал в комнате. Словно с небес свалившиеся «диверсанты», так лихо скрутившие его охрану и оказавшиеся в результате какими-то там спецназовцами, своим предложением обменять оружие на топливо, сдвинули гору мутной безнадеги и безысходности, открыв бескрайние горизонты «натурального обмена» или «его величества бартера», если угодно. Теперь нарисовались цели и приоритеты. Внутри полковника словно заскрежетал механизмами виртуальный кассовый аппарат, сквозь щелчки которого еле доносился голос Волохова. Тот, не уверенный, что его последние слова дошли до полковника, напомнил о погибших на трассе «срочниках» еще раз.

– А? Что? Хорошо. Все сделаем. Похороним. Сафонов, – Селезнев высунулся в окно, – гости заправились? «Курган» установили? Тогда сажай к ним двадцать человек на броню. – И, обернувшись к майору: – Не возражаешь?

– Да нет.

«Этот далеко пойдет, – Волохов спускался по лестнице. – Если не грохнут в ближайшее время и если с «крышей» повезет, – он отметил словечки, бывшие в ходу в начале века, которых было уже давненько не слышать. – Без «крыши» полковник вряд ли долго протянет. А что? Местность в округе вроде «чистая», без радиации, и разрушений нет. Население по округе не шарится, сидит по домам, запасы доедает, а крупных хищников такая мелочь эмчезсовская не интересуется пока. Вон, даже «зиллок», набитый оружием, три недели на трассе валяется».

Выйдя из потрепанной двухэтажки эмчезсовской конторы, он направился к своей БМПТ.

– Сотников, заводи, хорош клопов давить.

– У меня, товарищ майор, клопы только на броне катаются, я с ними строго. – Крышка люка, захлопнувшись, подвела черту под намечающейся дискуссией о тяжелом быте домашних паразитов.

22.09.2026 г. Москва.

Тоннель в районе станции метро «Площадь Ильича»

– А вот еще анекдот, значит. Приходит Абрам к Моне в бункер и говорит:

– Можно я побалуюсь с твоей Сарой?

– Да можно, чего уж там. Она там, на верхнем ярусе, на нарах.

Через полчаса Абрам возвращается.

– Ну как? – спрашивает Мона.

– Да ничего. Классно! Только забрался я на нее и чувствую, холодная она какая-то.

– Да она и при жизни была холодна.

– Уха-ха-ха, у-хи-хи-хи.

– А вот еще...

– Тихо, – Топоров замер. – Да тихо вы. Там кто-то шастает.

– Тебе кажется – ты и крестись. Иди и посмотри, короче.

– Ну и пойду.

– Топай, топай. Так вот... Идет наркоман по тоннелю...

Бывший инспектор ГАИ, расстегнув кобуру, медленно пошел в то место, где минуту назад что-то шебуршалось, а двое юмористов продолжали травить анекдоты. Помотавшись по тоннелю туда-сюда, заглянув в сбойку между двумя рабочими тоннелями, Топоров вернулся назад, но тех двоих как ветром сдуло.

– Вот, блин, уроды. Я что, тут должен один за них отдуваться? Нет уж. – И он быстро зашагал в направлении «Площади Ильича», надеясь застать начальника станции еще трезвым.

Поднявшись на платформу, на которой было не продохнуть от тут и там дымящихся костров, Топоров одно за другим обошел беспорядочно разбросанные становища в надежде найти сбежавших из дозора. Так никого и не обнаружив, ввалился в кабинет к начальнику станции. Тот был мертвецки пьян.

– У-у, скотина. – Топоров, развернувшись, побрел в более-менее чистый ПТО, где жили семейные и не так воняло станционной бомжатиной.

«Да все мы теперь бомжи», – он завернулся в какое-то тряпье, принесенное с ТЦ «Рогожская застава». От голода под ложечкой уже не сосало. Было еще хуже. Его тошнило, и в кишках словно перекатывались чугунные шары.

– Завтра с утра пойду наверх, найду пожрать че нить, – зевая, сказал он сам себе вслух. Запихнув поглубже кобуру с «грачем», Топоров еще какое-то время что-то бормотал, постепенно уступая остатки контроля над сознанием надвигающейся тяжелой пелене сна, которая придавила его почище десятков метров над головой.

«На голодный желудок спать вредно» – красная точка в конце красных букв этой фразы бегущей электронной строки над дверью вагона буравила его лоб. Топоров потер ладонью чуть выше переносицы.

«На голодный желудок спать вредно» – не унималась бегущая строка. Он затравленно огляделся. Пассажиры с каменными лицами сидели-стояли,

уставившись, казалось, немигающими взглядами в однообразную вереницу кабелей за окнами, не замечая немых воплей подземного Минздрава.

«На голодный желудок спать вредно» – поезд бесшумно вплывал на станцию. Еще сквозь стекла неоткрывшихся дверей Топоров увидел знакомые отблески костров и суетящиеся на их фоне фигуры местных «синяков». Двери открылись. Пахло гарью и кислятиной. Никто не выходил. Ему тоже не хотелось окунуться в смрад станционного бомжатника и покидать вагон с пускай какими-то не живыми, но аккуратно одетыми, цивильными попутчиками.

Поезд тронулся. Платформа, покачиваясь, исчезала позади. Меткой лазерного прицела треклятая точка жгла лоб.

«На голодный желудок спать вредно». – Топоров дергал за полу пиджака уважаемого владельца солидного кожаного портфеля.

– Э-э-э, – ноль реакции. И девушка в наушниках не желала взглянуть на бегущую строку.

Поезд снова вкатывался на «Площадь Ильича». Двери открылись, и опять никто не вышел. Тронулись, набирая скорость. За стеклом промелькнули служебные помещения.

– Да что ж он, гад, по кругу ездит, что ли? – Инспектор задохнулся от негодования.

«На голодный желудок спать вредно». – Он рванул в сторону кабины машиниста, расталкивая полуманекены:

– Щас я те покажу, что вредно, что полезно.

Дверь в кабину отворилась неожиданно легко, а он уже был готов ее штурмовать. Уцепившись за плечо, Топоров рывком развернул машиниста. Блики хилых костерков приближающейся станции отразились в стеклянных глазах толстяка, еще недавно так не желавшего расставаться со своим «Фольксвагеном».

– «...при выходе из вагонов просьба не оставлять свои вещи...» – напомнил молчавший до этого металлический голос из динамиков.

Толстяк, улыбаясь, вынул из отверстия во лбу короткую, сантиметра три, опиленную с двух сторон веточку-затычку с так же опиленным, маленьким сучком и вложил ее в руку Топорова. По переносице потекла тонкая, алая струйка. Инспектор рванулся из кабины и, споткнувшись, полетел между вагоном и платформой «Площадь Ильича».

И-е-ых – воздух со свистом ворвался в его легкие. Как из катапульты, Топорова вышвырнуло из мокрого от пота тряпья. Тяжело дыша, он побрел в сторону станции, волоча намотавшиеся на ногу лоскуты. Гермодверь обводного шлюза он прошел на автомате, даже не оставив дремавшему на посту дозорному два положенных за вход-выход патрона. Впрочем, их, кажется, уже давно никто не оставлял. Наверху, у эскалаторов в нерешительности топтались еще двое «ходоков». Видимо, «три» было критическим числом, придававшим храбрости, и новоявленная поисковая группа отправилась на промысел. Топоров шел впереди, пытаюсь вспомнить, сколько у его «грача» патронов в обойме. То ему это казалось важным, то неважным.

– На, – тот, что постарше, сунул ему одну из двух пластмассовых пятилитровых канистр.

– За спиртягой идем. Там у «Серпа» товарняк стоит. Есть цистерны с техническим.

Когда они плелись по трамвайным путям, Топоров боковым зрением уловил мелькание камуфляжа за цепочкой дохлых трамваев по ту сторону площади. Раньше того, как ветер донес до него характерный звук работающего «калаша», пули разошлись веером над их головами. Брякнулись на асфальт. Бзиньк, первая из новой очереди срезала огрызок стекла, остальные четыре впились в обшарпанную стену «Ростикса». На голову посыпался штукатурный дождь. Те двое поползли обратно к метро. Гады!

Та-та-та.

Один вдруг задергался, вытянул одну ногу, вторую поджав к животу, из-под которого медленно расплывалось темное пятно. За трамваями радостная суета, оживление. Второй пополз быстрее. Топоров, воспользовавшись тем, что внимание «камуфляжных» сосредоточилось на том, кто подсунул ему канистру, попятился раком. Уронил пистолет. Тут же подобрал. Стрелять или не стрелять? Какое там – руки тряслись крупной дрожью. Дополз до угла – и со всех ног в проем двери секунд-хенда. Показалось, сзади топот, выстрелы и пронзительный вой того, кто остался на площади.

Путаясь в вешалках со шмотками, не обращая внимания на изрезанные зубцами стекол руки и колени, прыгнул в окно. Вот они – вагоны. Оглянулся, никого. Залег в одном из углов вагона, за мешками с цементом, накрывшись мешковиной. Сердце тук-тук. Кажется, слышно даже в Перове.

Пролежав до темноты, Топоров вылез наружу и двинулся вдоль состава. На дне вагона-бункера, поползав на карачках, наскреб в фирменный пакет из закусочной немного семян то ли овса, то ли пшеницы вперемешку с шелухой. Оказывается, все это время он не выпускал из рук канистру. Нашел он и ту самую цистерну со спиртом.

Уже выйдя окольными путями к метро, Топоров ощутил запах спирта, одновременно почувствовав, как жжет стекающая по изодранной ноге огненная жидкость. И точно – в канистре дырка. Но одна.

«На излете», – пронеслось в мозгу. И все равно противный холодок внизу живота и подгибающиеся ноги. В первый раз в жизни в него стреляли, и пуля прошла так близко. Хлебнул из горла. Обожгло. Лихорадочно соображая, чем бы заткнуть пробоину, инспектор пошарил по карманам и остановился как вкопанный, рассматривая на ладони короткую, сантиметра три, опиленную с двух сторон, веточку-затычку с так же опиленным, маленьким сучком.

В трансе, вогнав ее в пулевое отверстие в канистре, Топоров зашагал вниз по ступеням.

Его не удивляло отсутствие людей на посту. Его сегодня уже ничего не удивляло.

Еле тлеющий костер освещал только три первых буквы «П Л О».

– Да. Плохи мои дела. – Топоров помешивал кашу, напоминающую клейстер, время от времени брызгая спиртом на не хотевшие гореть, отсыревшие обломки мебели. – Здесь на спирт даже пожрать не выменяешь. На халяву – да, составят компанию. Четыре литра уйдут влет... Ох, – он до сих пор жалел, что не остался на «Марксистской», одновременно понимая, что оставаться ему после наезда на толпу было нельзя. Замочили бы! А так там ребятаки устроились серьезно. Гораздо лучше, чем на «Авиамоторной». Он изо всей силы пнул булькающий котелок, который, подняв клубы пепла, с грохотом поскакал по платформе. Подхватив канистру, Топоров направился к Южному тоннелю, в сторону «Авиамоторной».

22.09.2026 г. Волгоградская область. Иловлинский район. 5 километров к северу от с. Краснодонское

Несмотря на то что небо было по-прежнему затянуто серыми облаками, вокруг царила атмосфера солнечного летнего дня. По крайней мере, это было первое, что пришло Егору в голову, едва он открыл глаза. Он не сразу догадался, почему. Ветер! Его не было! Беспощадный, забирающийся за шиворот, постоянно, день ото дня гудящий в ушах, швыряющий в лицо пыль, мусор и ледяную крошку, осточертевший за целый месяц ветер исчез. Будто кончилась солярка у генератора, питающего небесную вентиляцию.

Он наслаждался тишиной, лежа в неподвижных зарослях травы. Закурив, проводил взглядом медленно закручивающиеся в спираль струйки ароматного дыма. Идиллия была нарушена пробирающим до костей, протяжным воем, который не мог принадлежать ни человеку, ни животному. Июньское настроение испарилось без следа. Быстро собравшись, Егор чуть ли не бегом пересек поляну приютившего его леса (выживающего, как и все теперь в этом мире), расположенного севернее Краснодонского, и зашагал в сторону Песчанки. Непривычная тишина звенела в ушах, оттеняя как-то по-особому каждый звук, придавая ему необычные для последних недель свойства. Поэтому он долго не обращал внимания, топая по опушке, на что-то постороннее, встроившееся в монотонный хруст листвы под ногами. Но со временем его слух, потихоньку адаптировавшийся к новым условиям, стал улавливать какое-то едва заметное

похрустывание. Остановился, с резким разворотом на сто восемьдесят градусов.

Хр-хр-хр – и никого. Стало возвращаться ощущение чьего-то незримого присутствия, посетившее его еще в Котлубани. Прибавил шагу.

Рыжая, раздолбанная грунтовка, выгибаясь на косогоре, дальним плечом своего коромысла упиралась в покрытые плесенью трещин, когда-то зеленые ворота с надписью В/Ч № 011735. Приоткрытая пасть потенциальной мышеловки не соблазнила Егора возможным наличием «нарезного» сыра. Решив поступить как умный, он обошел в/ч по периметру и, обнаружив традиционную для всех режимных объектов «народную тропу», которая, как известно, никогда не зарастает, проник на территорию, оказавшись между бетонным забором и каким-то массивным сооружением. Это были капониры с мертвой бронетехникой. Пробираясь между обшарпанной бетонной стеной и сваленными в кучу остатками ящиков различной величины, он увидел их.

Группа основательно загорелых мужиков сосредоточенно и молча занималась своим делом. Привязав к бамперу грузовика толстый трос, сквозь пролом в стене бывшей котельной они враскачку выдергивали огромный металлический котел. Зрелище потрясающее. Егор бочком, бочком, чуть пригибаясь, чтобы можно было сразу стартовать в сторону пролома в заборе, миновал старателей, отделенных от него грудями распотрошенной тары, раздрызганными «Уралами» и задравшими в небо хоботы орудийных стволов танками. Он, увидев мародерствующий народ, хотел было повернуть назад.

Если уж дело до котла дошло, делать здесь действительно нечего. Но его внимание привлек разбитый ящик с раскрывшимися цинками. Они валялись у раскрытой двери здания, прилепившегося к дальней стороне забора. Земля возле ящика была густо усеяна новенькими патронами калибра 5,45.

Может, и «акаэмки» не все подмели?

Количество перебитого и переломанного внутри превзошло все ожидания. Чтобы пробраться по коридору, обвешанному рюкзаком, сумками и подсумками, Егору пришлось проявить чудеса эквилибристики. Но оно того стоило. Нет, оружия он не нашел, если таковым не считать ракетницу с десятью зарядами. Зато его запасы пополнила армейская аптечка, или заныканная кем-то за приваленным шкафом, или незамеченная, несколько новых патронов к противогазу, две

дымовухи и еще всякая мелочь, типа непромокающих спичек, взрывпакетов, патронов-горелок и даже две свето-шумовые гранаты.

Услышав какое-то шебуршание в конце коридора, Егор метнулся в комнату напротив. Окна там выходили в сторону, противоположную той, где копошились мародеры. Стараясь не шуметь, он осторожно перешагивал еле видимые в полумраке предметы. Все шло удачно, и он уже был недалеко от окна, когда под тяжестью здорового лба с тридцатью – тридцатью пятью килограммами груза треснула доска, и теряющий равновесие Егор, как за соломинку, схватился за чернеющий в углу огромный стеллаж. Сбитая из грубых досок, конструкция пошатнулась, сбрасывая с себя наверняка надоевшие за много лет тюки и коробки. В два прыжка он оказался у окна и, взлетев на подоконник, кубарем скатился по так удачно оказавшейся с той стороны горке матрацев. Бегущий во весь опор к кустам боярышника, он не видел, как из упавшего с потревоженного стеллажа ящика веером выскальзывали тяжелые, снаряженные рожки, и со стуком ударившийся прикладом о пол замер, укоризненно глядя в спину несостоявшегося хозяина вороненым глазком прицела, один из нескольких десятков стареньких «АК-74».

Глава 2 Октябрь

3.10.2026 г. Москва. Станция метро «Авиамоторная»

– Ну, как там она? – Сашка Епифанов уже минут двадцать околачивался возле медсанчасти.

– Да нормально все с твоей, расслабься. Ее сейчас как раз Зеленовский осматривает, а он в «Бурденко» зав. кафедрой был. Это тебе, Епифаныч, не хухры-мухры. – Дежурный врач, перестав что-то писать в своем гроссбухе, прикрутил ободок химфонаря, превратив и без того загадочную полутьму «приемной» подземного филиала «Бурденко» в окончательный римейк любимой детской забавы – сидение с фонариком под одеялом.

– Нормально, – проворчал Сашка.

Знал он этих медиков. Все у них нормально. Не схватила Ленка тогда в здании администрации дозу, и нормально. А то, что она уже три недели в лихорадке лежала, то приходя в сознание, то отключаясь, то, что температура прыгала под сорок, – это нормально? Хотя последние два дня ей было действительно лучше: температура спала, появился аппетит.

– Ну, я, наверное, не дождусь. Нам выходить через полчаса, – Епифанов повесил автомат на плечо. – Ты, Димыч, знаешь, че? Передай моей вот это, – он протянул дежурному врачу сверток с шоколадкой, выменнанной у «таганских» поисковиков на две «сигналки» (СМ – небоевая сигнальная мина. – Авт.), – а я побежал. – Сашка, пряча карандаш, добавил к свертку записку и выскользнул из приемной.

– Беги, беги, Ромео. Доставим твою любовную почту. – Дима, хохотнув, убрал сверток в ящик стола и, подвинувшись поближе к химфонарю, пристроенному на стене, раскрыл какой-то толстый медицинский талмуд.

Еще когда они поднимались по эскалатору, Сашка Епифанов отметил у себя какой-то нехороший мандраж – типа дрожи в коленках. Из-за чего это? Может, это из-за подсознательного желания сберечь себя для нее? Ведь он чувствовал теперь ответственность, как бы это ни громко было сказано, за любимого (он только сейчас это понял) человека. Или из-за предчувствия чего-то нехорошего?

Им предстояло идти «собирать урожай». Так теперь называли сбор оружия в городе рядом с многочисленными мертвяками, которое те растащили в первые дни из оружейек брошенных отделений милиции, казарм и складов в/ч. Трупов вокруг было порядочно. Одна часть выжившего народа, отсидевшись в подвалах, рванула доживать свой короткий век прочь из Москвы, другая часть громила легкодоступные магазины с «грязными» продуктами и шмотками. Этаким пир во время чумы. Один раз Сашка Епифанов своими глазами видел шикарно накрытую поляну в находящемся неподалеку казино с десятком «двухсотых», лежащих вокруг столов с деликатесами, между карточных столиков, возле рулетки, среди кучи пачек с рублями и долларами. Один даже сидел на табурете возле стойки бара, уронив голову в поваленные бутылки «Джонни Уокер».

Когда мародерский угар прошел и мало кому стало мало чего есть, началась война всех против всех, с формированием стай, банд, племен и чего-то вроде

того. Хотя были и исключения. Некоторые крупные группировки, образовавшиеся скорее всего на основе «трудовых коллективов» и сохранившие свой состав в первые три дня, обитали в каких-нибудь заводских бункерах, в которых наверняка и пережили ЭТО. Такие компании для них были особенно опасны. Здоровье членов этих банд, конечно, было подорвано. Ведь на несколько десятков человек имелось, как правило, семь-восемь стареньких противогазов (может быть, был и нетадон), но держались они довольно долго и основным их занятием, помимо добычи пропитания, была охота на поисковиков. Нет, нападало на них, конечно, все, что двигалось, но отряды «заводских упырей» устраивали им засады, ставили растяжки у выходов на поверхность и даже пытались проникнуть вниз. Пока, правда, безуспешно.

Кстати о нетадоне. Колоть его можно только раз в два месяца. И Епифанов видел тех, кто делал это гораздо чаще, чуть ли не каждый день. Димыч описал ему признаки передоза. И вот эти «нетадонщики» с синюшными лицами и вывалившимися языками встречались поисковику с ног до головы обвешанными трофеями там, где их застигало внезапное удушье. На одного из них, «свежего», они наткнулись уже на Красноказарменном. Бедняга тащил откуда-то куда-то аж три «АК-74», два цинка к ним, пять «РГД-8», коробку того самого нетадона и еще всякую мелочь. Из еды с ним было, слава богу, «чистые» шесть пачек чая, десять пачек крекеров, шоколад и раздувшиеся банки с томатной пастой.

И ведь был горе-мародер в противогазе, который, содранный во время конвульсий, валялся рядом.

Щеглова и Самохина с добром сразу отправили обратно. Ходка начиналась удачно. Вчетвером они двинулись дальше по Красноказарменному и свернули во дворы. Обследуя подвальчик за подвальчиком, заходили и в квартиры, в основном на трех-четырех нижних этажах. Выше идти не было смысла – стекла, как правило, там повышибало полностью, и ни жильцов, склеивших ласты, ни «чистых» трофеев там не было. Иногда попадались либо натурально «проспавшие» ЭТО, либо фаталисты-пофигисты, никуда не захотевшие бежать (царствие им небесное).

Промотавшись больше двух часов, поисковики не нашли ничего ценного. Только в одной квартире наткнулись на отца семейства, видимо, обнаружившего по возвращении своих домашних мертвыми. С дыркой во лбу он сидел в кресле. «Remington 870MCS» с двумя обоймами и коробкой патронов валялся рядом на

полу. Епифанов повесил ружье на плечо, и, не глядя друг другу в глаза, они вышли на лестничную клетку.

Группа Сергеева дошла до перекрестка с улицей Лефортовский Вал. В двух угловых домах по восточной стороне стекла сохранились по седьмой этаж. На каждый шаг улица отзывалась звонким эхом, отражавшимся многократно от мертвых домов, ставших братскими могилами еще недавно терзавших «Макдоналдсы» и «Ростиксы», вскрывающих никому, в общем-то, не нужные банковские сейфы, обладателей многочисленных безжизненных смартфонов, ноутбуков, навороченных дорогих мобильников и ничего так и не заснявших видеокамер.

Тут и там время от времени в молчаливом вальсе кружилась разноцветная листва, угодившая в воздушные воронки. Внезапно подхваченная порывом ветра, покатила газета от ТОГО САМОГО числа.

В тот момент, когда Сашка присев, разглядел «...орт-экспре...» «...Результаты турнира дублеров. Ростов – Zenit – 1:2...», по асфальту брошенными на полированный стол игральными костяшками застучали пули.

Упали. Крутя башкой на все триста шестьдесят градусов, он заметил возле дома № 11, на пустом уже месте, облачко порохового дыма. Снова взметнулись фонтанчики асфальтовой крошки. Пули легли уже ближе.

– С глушаками и позиции меняют, – сквозь зубы процедил Сергеев.

– Похоже, это не наши друзья из общества «Трудовые резервы», – Сашка перекатился за столб, – что-то посерьезнее.

И точно! Сергеев в монокуляр успел разглядеть на одной из метнувшихся к подъезду фигур новенький армейский противогаз последней модификации.

– Андрюха, отходим обратно по Красноказарменной. Там один с «СВД» [19] к подъезду ломанулся, щас он нас быстро определит. – Сергеев бросил наискосок через улицу дымовуху.

Группа, укрывшись за наползающим дымовым занавесом, поспешила покинуть место намечающейся уличной театральной постановки под рабочим названием «Избиение младенцев». Но не тут-то было. Позади, через забитый раздолбанными машинами участок улицы, между домами № 15 и № 14, отрезая им пути к отступлению, одновременно на Энергетический и Красноказарменный проезд, перебежками двигалась еще одна группа «камуфляжных», вооруженных серьезными аргументами в виде «Роя» [20] и «РПГ-36». Нырнув в единственно свободный проем возле дома № 12, они угодили в ловко организованную ловушку. Вокруг громоздились какие-то нежилого вида строения, примыкающие вплотную друг к другу или соединенные трехметровым забором-стеной. Первым сориентировался Сергеев, махнув рукой в сторону заброшенной церкви. И правда, это было наилучшим вариантом. Проемы сводчатых окон первого этажа заложены армированной кладкой, а окна второго убраны мелкой решеткой – гранату хрен закинешь. И со входом им повезло. Чугунные двустворчатые ворота закрывались на засов.

Отдышались.

– Эй, «морлоки» недоделанные, вылазь, а то щас рванем стену и поджарим всех вас тут, как цыплят табака, – за стеной захихикали.

– Надо было б, давно так и сделали, да и стену в два-три кирпича – это ж чем рвать-то надо? – Сергеев потер переносицу указательным пальцем.

– Слышь, мужики, не ссы, – прошептал он. – Они или под «дурачка», на пятнадцать «семер» нас разменять надеются, или живыми хотят взять. Сидим дальше, не рыпаемся. Продаваться – так задорого.

На улице затихли. Совещаются?

– Епифанов, дуй на второй, послушай, что там. И осторожно там, не высывайся, из «Роя» или «РПГ» садануть могут.

Вернувшийся через пятнадцать минут Сашка нового ничего не сообщил.

– Ну, раз уж нас тут могут грохнуть, да и время, как я понимаю, у нас есть, – лейтенант закурил, – давайте, что ли, знакомиться получше.

- То есть?

- Да расскажите о себе. - Сергеев выпустил облако дыма. - Вот мы с Епифанычем на «Авиамоторке» ментами служили, так теперь там и застряли, а ты, Андрюх?

- А я в «Бурденко» на процедуры ехал, - Андрей потянулся к сергеевскому «Пэл Мэлу», - а так в Крыму по контракту воевал.

- Да?

- Да ничего особенного: колонны сопровождали, аэродром в Яйле и базу в Балаклаве охраняли. Да и «духи» там уже особо не выеживаются, с тех пор как им под Судаком на горе Сокол баню устроили. А когда наши «дельфины» турецкий сторожевик рванули, им совсем кисло стало.

- Понятно теперь, откуда ты у нас такой подкованный. Гляди, Андрюха, ты еще всеми нами командовать будешь.

- Ну а ты, Серег? - Епифанов затянулся.

- А я чего? - Петренко ухмыльнулся. - Я на «говнососке» работал.

- ???

- Видал такие, по ночам ездят - говно из биосортиров выкачивают?

- Во, блин!

- Ну вот. В ТУ ночь мы чинились долго, до семи утра. Потом говно из пяти последних объектов забрали, стоим, значит, в канализацию сливаем, вдруг сирена. До метро далеко - ну мы в колодец этот канализационный и прыгнули. Долго потом по коллекторам блуждали. Напарник мой, Шурик, делся куда-то, а я по каким-то ходам прошел и во вспомогательный тоннель у «Авиамоторной» и вывалился.

- Слышь, командир, а что за «морлоки» такие? - Андрей потушил окурок.

– Почем я знаю.

– Это у Уэллса, в «Машине времени», рабы подземные такие были, – пояснил Серега-ассенизатор.

– Тс-с. Епифанов Сашка, – Сергеев прикрыл рот ладонью, – сползай еще, глянь, что там. Че-то суета там какая-то.

Сашка подполз к небольшому окошку на втором этаже.

– Кх-х-х, пш-ш-ш, – зашипела рация.

– Понял, товарищ генерал. Так точно. Идем. – Застучали каблуки, зашуршала листва.

– Мухлюют или на самом деле ушли? – Сергеев почесал подбородок. – В любом случае патронов в противогазах у нас только на два часа. Значит, максимум через полтора двинем потихоньку.

Через час, когда поползавший по крыше Епифанов доложил, что «камуфляжных» в округе не наблюдается, первым из ворот метнулся бывший крымский контрактник. После пары бросков-залеганий он устроился прикрывать остальных за одним из бетонных блоков, наваленных неподалеку. Все было тихо. Уже через сорок минут Сергеев отпустив бойцов, докладывался Борисову.

Борисов мерил шагами пространство тесного кабинета начальника станции.

– Это ж что у нас вытанцовывается? Какие-то спецслужбы, устраивающие засаду на «крупную рыбу», наткнулись на нас? Так, так... Мы для них мелочь, значит? – Капитан резко развернулся. В напряженной тишине отчетливо слышался скрип борисовских ботинок. – Это твоей группе, Сергеев, еще о-о-очень повезло. Видимо, отвлекло их что-то. Даже если не нужны вы им были, свидетелей такие люди обычно не оставляют. Весь вопрос в другом. Откуда они здесь взялись? Если это раменковцы, то что их здесь, так далеко, интересует? Даже если предположить, что Д-6 [21], параллельная «Шоссе Энтузиастов», действительно существует и сообщается с Калининской веткой, то все равно непонятно – зачем

как минимум двум группам, полностью упакованным – «РПГ», «Роем», «РПК» [22], «СВД» и прочими прибабасами, тащиться через всю Москву?

Вопрос повис в воздухе.

– Может, это как-то связано с событиями на «Ильича»? – Зам Борисова по кадрам открыл блокнот. – Я тут проанализировал всю информацию, поступавшую с «Ильича» с самого начала. Получается, основная масса народа от них ушла в первую неделю. И мы на «Марксистской» их завернули, и они ушли наверх. Потом «ильичевцы» даже организовали что-то вроде блокпостов с дежурством и поисковые отряды. Но вот что интересно: «челноки» стали доносить до нас слухи, что народ там, никуда не собирающийся, стал пропадать. Причем в основном мужики. Вот и Топоров, ну тот, вчерашний, я тебе, товарищ капитан, говорил о нем, рассказывал, что прям с блокпоста двое сгнули.

– Ну, все ясно, что ничего не ясно. Будем думать. А пока, Сан Саныч, – Борисов повернулся к командиру сводного поискового отряда Лескову, – по проспектам не гулять, по двое с поклажей, как сегодня Щеглов с Самохиным, не ходить. Казарян, пошли человека к гэбэыровцам на «Полянку», если не согласятся помочь, так, может, хоть расскажут чего. Сергеев, собирай себе людей в разведгруппу. Надо пощупать, понаблюдать за этими головорезами камуфлированными. Все, все свободны.

– Не нравится мне этот Топоров! – Андрей рубанул рукой воздух. – Скользкий какой-то тип.

– Ну, нравится – не нравится, заладил. Вон твой тезка из Крыма не ноет. И ты сам же в поисковики напросился, – Сергеев достал спичку. – Будете в отряде вместо нас с Епифаныхом пока, а там посмотрим.

– Андрюха прав, – «Крым» перекачивал патроны от автомата на ладони, – как с тем, кому не доверяешь, наверх ходить?

– Ну где я вам другого возьму? – Сергеев развел руками. – У этого и ходка не одна, и армейское прошлое, и даже боестолкновение с «камуфляжными» в активе, а нам даже желторотых студентов, – он посмотрел на Андрея, – брать приходится. Все, разговор окончен. Марш к Пахомычу экипироваться.

Андрей шел к бывшей тоннельно-дренажной камере, где теперь обустроился народ. Радостное возбуждение последних дней, вызванное возможным его зачислением в поисковый отряд, сменилось тихой злостью. Нашли напарничка, блин.

Топоров не понравился ему сразу. От него исходила какая-то необъяснимая, впитываемая всеми порами кожи волна. Какая-то угроза, что ли? Словами это не объяснить. Еще на Катю зыркнул, гад, своими масляными глазками. Вот Катя – совсем другое дело. Когда он в первый раз ее увидел в ТДК, казалось, сразу стало светлее. Да и сейчас так же. От нее будто лучи какие-то светлые во все стороны расходятся.

Андрей как-то сразу прилепился к ней. Все время они проводили втроем. Он, Катя и Елена Сергеевна. Первую неделю они жили в вагоне, куда сразу пошли, хотя другие люди долго отказывались расселяться. Словно не веря в произошедшее, народ оставался на платформе, будто ожидая, когда закончится эта чья-то глупая шутка или учения и их, открыв гермозатвор, выпустят наверх.

Андрею все время хотелось что-нибудь сделать для Кати. То он бегал менять несколько мерок гречки из сделанной Еленой Сергеевной под сиденьем вагона заначки на патроны-горелки, то таскал воду от скважины, то сколачивал нары уже в ТДК. В общем, «попал» парень. Только вот досада – она-то относилась к нему как к одному из своих учеников. Даром что учительница. И все Костя да Костя. Костя появится и то-то скажет. Костя вот это и это так-то сделает. В общем, говорит, придет муж, раз обещал, и точка.

Андрей как-то для себя отодвинул будущего конкурента в сторону и успокоился на этот счет. А теперь еще вот Топоров появился. И главное, Катя чего-то общается с ним, смеется. Не чувствует, что ли? Андрей пнул попавшуюся под горячую ногу крысу так, что та, пискнув, улетела вперед метров на двадцать, и, поправив съезжающий с плеча автомат, прибавил шаг.

5.10.2026 г. Башкирия. 4 километра к востоку от пос. Исмаилово

Сработавшая противотанковая мина лишь подняла ножи-тралы ИМР, погасившие собой взрывную волну, а вот радиоуправляемый фугас, заложенный на обочине, взорвавшись, заставил буквально подпрыгнуть бронемашину. Тут же сработало еще два фугаса сзади, потрянув бээмпэшку. Пулеметный, гранатометный комплексы и ПТУР БМПТ, независимо друг от друга, тотчас стали работать по многочисленным, засеченным благодаря тепловизору целям. Справа группа целей-точек, до взвода пехоты, сразу превратилась в начиненный свинцом фарш. Спаренные 12,7-миллиметровые пулеметы не оставили им шансов. Слева осколочные гранаты «АГСов» тоже посекали все живое, не пощадив и молодой ельник.

– Под «серебрянкой» [23] отлеживались, суки, – Сотников, чуть высунувшись из люка, опасливо оглядывался по сторонам.

Убитых и раненых у них не было, если не считать двоих оглушенных из экипажа ИМР, а вот сама инженерная машина разграбления была повреждена.

– Твою мать! – Волохов с силой швырнул окурок о землю. – Ну и народ. Как работать – никто ничего не умеет и не хочет, одни гастарбайтеры на иностранной технике пашут, как воевать – тут все мастера. Работники ножа и топора, бляха-муха. И главное, на какой-то сраной опушке какого-то гребаного леса. – Он вскочил на броню: – По машина-а-ам.

Таким образом, из пяти вышедших единиц бронетехники через три недели к Исмаилову подходило только две, да и двигались они черепашьям темпом.

Волохов покосился на Брунькова. Не дергается – значит, либо Подомацкий заложился на дорогу с приличным запасом, либо их миссия не так уж важна... А что если в Москву была послана не только его группа? Волохов закурил.

– Константин, – Бруньков поморщился.

– Извини, – майор, открыв люк, вылез наружу.

Низкое мрачное небо едва ли не придавило верхушки испуганных елей. Холодный промозглый ветер трепал на пригорке уже пожелтевшую траву. На

юге дрожало марево лесных пожаров. Ощутимо пахло гарью.

Остатки колонны спускались в тонущий в сумерках лог, и туман, собирающийся сшить из разрозненных клочьев свой ежевечерний саван, как шакал, по пятам преследовал экспедицию.

Эта местность была хорошо знакома майору по прошлогодним учениям, и Волохов прокладывал маршрут с таким расчетом, чтобы на их пути было как можно меньше населенных пунктов, а главное, мостов. Иногда приходилось делать приличный крюк, но береженого бог бережет.

Впереди на много километров протянулась довольно узкая лесная дорога, а значит, пора было подыскать место для ночевки. Причем устроиться было желательно на открытой местности. Кто его знает, быть может, ночью лесные пожары дойдут и сюда.

На этот раз они выбрали для ночевки заброшенную ферму. Причем покинули ее не так давно. По всему было видно, что ферма-то была действующей. Вокруг коровника тут и там валялись останки животных. Те, что еще хоть как-то сохранились, были покрыты язвами, и вообще было такое впечатление, что скотину облили чем-то, разъедающим органику. Странные были эти останки, одним словом. Из-за смрада в любой из коровников невозможно было войти. Если бы не ветер, пришлось бы им вообще искать другое место. А так у стоящего в дальнем углу огороженной территории фермы здания дирекции запаха не чувствовалось вообще. Там и разместились.

– Кислотный дождь, – Самарин ковырнул носком берца изъеденную черными оспинами крышку развалившегося колодца. – А я думал, удастся воды набрать.

– За водой съездим завтра утром в деревню, – Волохов взял из рук выходящего из здания дирекции бойца дозиметр, – а пока обойдемся своими запасами. Хорошо, что хоть радиации нет.

Технику поставили под стенами дирекции рядом с крыльцом, чтобы, в случае чего, не вступая в бой, быстро покинуть ферму.

Часть бойцов потрошила хозяйственные здания на предмет дров, часть чистила оружие. Механики, как обычно, принялись возиться со своими железными

конями. Скучал только часовой на силосной башне.

Улетающие ввысь искорки костра, казалось, протыкали брюхо медленно ползущей темно-серой туче. Если с неба опять польется какая-нибудь дрянь, они останутся сегодня без ужина.

Но нет, обошлось.

Ерохин, дожевывая горбушку, понес котелок наверх, на «фишку» к Файзиеву, а потом, разлив по кружкам страждущих чаек, отправился кормить начальство.

Волохов и Бруньков в это время о чем-то спорили, склонившись над картой, расстеленной на столе в директорском кабинете.

– Разрешите, товарищ майор?

– Заходи, Ерохин. Что там у нас сегодня? – Волохов отошел от стола, потирая руки. – Супчик из тушенки?

– Так точно, товарищ майор. Он самый.

– Знатно! И чаек еще остался? Вообще отлично!

– Я вот чего спросить хотел, товарищ майор...

– Спрашивай, боец, не стесняйся. Только от окна отойди. Наши с тобой физиономии издали в поле видно.

Сержант отошел к шкафу, набитому под завязку толстыми папками с покрытыми пылью зелеными корешками, сел на стул с отломанной спинкой.

– Вот выполним мы, товарищ майор, наше задание, а дальше что? – Он вопросительно посмотрел на Брунькова. Ерохину почему-то казалось, что человек из ближайшего окружения Подомацкого сейчас начнет протестовать, и разговор закончится, так и не начавшись. Но тот промолчал.

– Что дальше, спрашиваешь? А сам-то как думаешь?

– Я это... я думаю, товарищ майор... не знаю.

– Понял, о чем ты. Я слышал ваш разговор там, у костра... – Волохов закурил. – Понимаешь, каждый из нас сейчас думает о своих. Где они? Что с ними? Вон, у Брунькова дочка так вообще в свадебное путешествие в Сочи укатила... М-да... – Майор замолчал.

В комнате стало настолько тихо, что даже сидевший в другом углу Ерохин слышал, как трещит тлеющий табак в сигарете у майора. Волохов подошел к стене, на которой висели ходики, и толкнул маятник. Тот покачался немного и опять затих.

– Одно могу сказать, в ближайшем будущем никаких увольнительных не будет. Чего говорить, не все войсковые части сейчас... хм... в порядке. Помнишь, как нас недавно встретили мотострелки? А как ты думаешь, много будет у каждого из нас шансов добраться до дома, да и вообще выжить в одиночку? Вот так-то. Как будет дальше? Нет у меня на сегодня ответа для тебя, солдат! Иди ложись спать, этой ночью заступать на «фишку» придется всем.

– А что, если... – начал Бруньков, когда дверь за Ерохиным закрылась.

– Все будет нормально, – прервал его Волохов.

– Но ведь они знают, что ты-то к жене в Москву едешь.

– А ты уверен, что от Москвы вообще что-то осталось? – У майора в руках задрожала сигарета. – Чем мы ближе, тем у меня сильнее поджилки трясутся.

Бруньков ничего не ответил, и Волохов, бросив окурочек в угол, вышел на улицу.

Ильдус потер глаза и снова приник к ПНВ.

Что это? Неужели волки? Или все же собаки?

В зеленом сумраке прямо напротив него застыло продолговатое светлое пятно. Вот оно дернулось и снова застыло. Потом к нему присоединилось еще одно пятно, немного поменьше размером.

Файзиев посмотрел чуть левее. Там еще три таких же пятна быстро перемещались в сторону тех двоих.

Ни черта не видно. Метров двести отсюда. Точно волки! В лесу жрать стало нечего, вот и приперлись сюда. А может быть, людей поубавилось, бояться перестали. Шугануть их из пулемета, что ли? Нет, нельзя. Сейчас же всех своих на уши поставлю.

Вой. Жуткий, леденящий кровь, он зародился в этой непроглядной темени и, отразившись от неприступной стены леса, наполнил собой все пространство вокруг.

Волки, будто бы почувствовав свою силу, вызвали остатки рода человеческого на последний бой.

Ильдус вцепился в рукоятку пулемета и нажал на спусковой крючок. Длинная очередь расколола ночную тишину.

- Что, взяли, да? - Вспышки выстрелов озарили испуганное лицо. - Взяти?

Внизу прямо из окна выскочил Самарин. Поднявшись вверх по лестнице, он оттащил Файзиева от пулемета.

- Что? Что случилось? - Самарин прильнул к ПНВ.

- Волки...

- Что-о-о? Ты что, совсем охренел? Приказано же было огня не открывать.

- В-в-волки, - как заклинание повторил Ильдус.

– Блин, – Самарин замахнулся.

– Отставить! – Волохов встал между бойцами. – На вот, хлебни, – он протянул Файзиеву флягу со спиртом. – Утром разберемся. А сейчас марш спать. Самарин, сменишь его.

Утреннее солнце розовым квадратом окна поползло по грязно-белой стене кабинета директора ЗАО «Млечный путь». Волохов встал с дивана, потянулся и выглянул в окно. Вчерашний туман, неохотно уступая свои позиции, медленно отползал в овраги на краю леса.

Наверное, все ночные страхи показались бы теперь Ильдусу Файзиеву смешными, а вот майору было не смешно. Люди вымотались и физически, и морально. Они устали ждать неизвестно чего и бояться. Да-да, бояться. Любой человек боится смерти, будь он флейтистом в оркестре Большого театра или матерым спецназовцем. А еще больше он боится неизвестности. Это такой враг, лица которого не увидишь никогда.

Сколько им еще километров наматывать на гусеницы? Что ждет их впереди?

Майор тряхнул головой. Так, не раскисать.

За окном заурчал движок БМП – это Самарин со своими возвращается из деревни.

Что-то долго! Привезли ли воды?

Но, выйдя на улицу, Волохов наткнулся вовсе не на кого-то из своих бойцов, а на шустрого мужичка в телогрейке. Невысокого роста, он, однако, заполнил собою весь двор. Пока майор, стоя на крыльце, разминал пальцами обязательную утреннюю сигарету, этот хлыщ успел поучаствовать в разгрузке двух пластмассовых бочек, которые прямо так и везли сюда на броне, дать кому-то закурить и поругаться с Бруньковым, возмущавшимся присутствию в их расположении постороннего.

– Здрасьте, – на Волохова из-под козырька зеленой кепки с надписью «Боулинг» смотрели два хитрых, с прищуром, глаза. – Местные мы. С Берендино.

– Мы у него водой запаслись из колонки, – как бы оправдываясь, встрял Самарин. – Просит патроны наши обменять на еду или еще что-нибудь.

– Просит, говоришь? – Майор нахмурился. – А что, еды у него завались?

– Нижайше просим, – местный обеими руками ухватился за лапу Волохова. – Еды у нас мало, а патронов нет совсем.

– А почему ты решил, что я ваше незаконное формирование буду делать еще более вооруженным?

– Да какое там формирование, командир? Две бабки у нас на три дома, да мы с Ильичем. И на всех одна двустволка и два автомата пустых.

– Подтверждаешь? – Майор посмотрел на Самарина.

– Да, товарищ майор. Одна ребятня да старики.

– А по нынешним временам без автомата никак нельзя, товарищ майор, – затараторил мужичок, опасаясь, что армейский начальник начнет возражать. – Вон позавчера у Остапинских какие-то пришлые все зерно забрали. Даже кормовое.

– По нынешним временам вам и автомата не хватит, – Волохов махнул рукой. – Ерохин, отсыпь им... Нет, отдай весь цинк «пятеры» просто так. Не будем же мы детей и стариков объедать.

– Вот спасибо, товарищ майор, – местный опять ухватил его за руку и принялся что есть сил трясти, – вот спасибо!

– Как зовут-то? – Волохов сел на ступеньки крыльца.

- Николаем, - ответил мужичок и примостился рядом с ним.

- Скажи, Николай, а что вообще в округе делается? Что слышно?

- А что делается? Будто вы не знаете, товарищ майор? Война.

- Нет, это-то понятно. А вообще? Какие новости?

- Какие у нас новости? Сидим в своей Тмутаракани, чай гоняем.

- Вот ведь народ? - Волохов усмехнулся. - Я ведь сейчас прикажу цинк-то обратно забрать...

- Нет, а чего? - Николай встрепенулся. - Чего я могу рассказать-то? Про то, как Остапино грабанули, рассказал. Вот недавно в Выште зэки с тамошней колонии с какими-то военными схлестнулись. Кто кого победил - про то не знаю. В Лукьянове все как один перемерли от чего-то. На юге леса вот горят. Оттуда и желтое облако к нам пришло. Вся скотина пала. Да вы видели. У нас и народа много полегло через это дело. Почитай, остались те, кто по домам сидел. Еле похоронили упокойников-то! Их и руками брать-то было нельзя. Сожгли мы их, а потом трактором закопали, вот и все новости. Может, сами чего расскажете, товарищ майор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/ru/hvatov_vyacheslav/yadernaya-osen

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)